

С. Н. СОМОВЪ

УХОДИТЬ НОЧЬ

Повѣсть

Дней далекихъ

Дней невозвратныхъ

Б Ы Л Ъ

С. Н. СОМОВЪ

УХОДИТЬ НОЧЬ

Повѣсть

Дней далекихъ

Дней невозвратныхъ

Б ы л ь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Душная юньская ночь голубовато серебристой дымкой окутала маленький уѣздный городокъ М.

Настолько маленький, что даже желѣзная дорога не пожелала въ него заглянуть и, точно въ насмѣшку, прошла, минуя городокъ, всего лишь въ двѣнадцати верстахъ, черезъ большое торговое село.

Возможно конечно, что причина этого крылась не столько въ размѣрѣ городка, сколько въ исключительной заботѣ предрежащихъ властей объ удобствахъ и покоѣ обитателей послѣдняго — изъ опасенія шумомъ желѣзки побеспокоить ихъ извѣчный безмятежный сонъ.

Канунъ Петра и Павла, съ котораго начинается эта повѣсть, прошелъ для обитателей городка въ обычной полусонной дремотѣ, ибо даже для наступающаго праздника они ничѣмъ не нарушили прочно укоренившагося распорядка своей жизни. Жизни безъ идеаловъ, безъ интересовъ, безъ духовныхъ запросовъ.

Въ этотъ день, какъ всегда, горожане, утомленные дневными дрязгами и пересудами, обремененные тяжелымъ ужиномъ съ кашей и пирогами, по заведенному еще съ незапамятныхъ временъ обычаю, вмѣстѣ съ курами отправились на покой.

Безлюдныя улицы окончательно опустѣли. Загремѣли засовы. Потухъ свѣтъ за кисейными занавѣсками. Наглухо закрылись ставни.

Царица ночь вступила въ свои права. Подъ ея царственнымъ возромъ все притихло, все замерло.

Нигдѣ ни звука... Даже собаки не слышно. Изрѣдка лишь рѣзкой трелью зальется деревянная колотушка ночного сторожа. да по освѣщенной луной, пыльной, немощеной улицѣ протянется длинная тѣнь послѣдняго. На мигъ задержится, точно въ раздумьи, а затѣмъ нырнетъ въ темный переулочекъ и исчезнетъ безслѣдно...

Тотчасъ, точно въ погоню за нею, зеленая тоска и сѣрая безпросвѣтная скука, охая и зѣвая, быстро скользнутъ по всѣмъ закоулкамъ городка, разгоняя послѣднее дыханіе жизни — ночныхъ безпріютныхъ котовъ.

Нигдѣ никого... Да и что дѣлать, къ чему приложить жителямъ городка въ этотъ полночный часъ свою энергію, когда и день то, томительно

длинный, имъ приходится умышленно сокращать послѣобѣденнымъ отдыхомъ на пуховыхъ наслѣдственныхъ дѣдовскихъ перинахъ.

Все спитъ... И только на самой окраинѣ, изнемогая отъ непосильныхъ мукъ и терзаній одна страждущая, мятущаяся душа тщетно пытается расшевелить это гнетущее сонное болото, разорвать сѣти безмолвія, вѣковой паутиной нависшія надъ маленькимъ, обойденнымъ судьбою, городкомъ.

Въ одноэтажномъ домикѣ подъ зеленой желѣзной крышей, пріютившемся у самой грани огородовъ и полей, облокотившись на подоконникъ раскрытаго настѣжъ окна, черезъ которое видна теплящаяся у образа лампада, въ батистовомъ свѣтло-голубомъ платѣ, сидитъ дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ.

Рыжеватая золотистая стриженная головка съ вьющимися волосами, нѣжнымъ румянцемъ во всю щеку, голубыми глазами, слегка вздернутымъ носикомъ, съ острыми вдумчивыми чертами лица и маленькимъ ротикомъ, жадно глотающимъ воздухъ. На фонѣ темнаго окна точно нарисованная картинка или воздушная фея, до того вся она какъ-то растворилась въ лучахъ призрачнаго серебристо голубого свѣта.

Кетъ, такъ зовутъ дѣвушку, не спится... Передъ нею сказочная картина полей и лѣсовъ въ страстной истомѣ купающихся въ лучахъ ночного свѣтила. А дальше, за лѣсомъ... мрачный горизонтъ покрытый черными тучами, изрѣдка вспыхивающими отблескомъ далекой грозы.

Подъ окномъ большой садъ, откуда доносится приглушенный шепотъ и вздохи. Но въ саду никого... То земля тяжело дышетъ послѣ знойнаго дня, волнуя настроенное воображеніе.

Ночь насыщена электричествомъ. Душно... Не хватаетъ воздуха. Тяжелый приторный запахъ цвѣтовъ дурманитъ голову.

Но Кетъ не замѣчаетъ красоты этой жуткой ночи... Не пьяный ароматъ послѣдней оторвалъ ее отъ сладкихъ сновидѣній и грезъ. Полная нѣги ночь не задѣваетъ струнъ ея сердца, не будитъ въ немъ смутныхъ волненій, суетныхъ надеждъ. Не манитъ въ туманную даль, къ невѣдомымъ далекимъ берегамъ въ міръ грезъ и сказокъ.

Сердце ея молчитъ. Давно уже разсѣялись грезы, безъ остатка растворились сказки въ тѣни минувшихъ лѣтъ и всѣ нити связывавшія ее съ ними, казалось, порвались безвозвратно. Весело и беззаботно катившаяся телѣжка ея жизни внезапно попала въ ухабы... Что-то треснуло въ ней... Надломилось... Утратилась гармонія, согласованность движеній. Вся жизнь неожиданно свернула съ гладкаго прямого пути и заскакала по колдобинамъ и ямамъ.

Взоръ Кетъ блуждалъ по простору полей, скользилъ по темному лѣсу, по безформенной массѣ, громоздившихся на горизонтѣ грозovýchъ тучъ... На мигъ задерживался на чемъ-то... Но глаза ея не загорались сознаниемъ... Не оживлялись чувствомъ жизни... Въ нихъ мрачнымъ свѣтомъ свѣтились нестерпимая мука, тоска и скорбь. Въ чертахъ ея юнаго лица — слѣды пережитыхъ страданій... Темныя тѣни надвигающейся судьбы...

Сочное контрастьто ея бросало въ высь тяжелыя гнетущія слова:

«О, Матерь Святая, возьми ТЫ меня, — все въ жизни земное извѣдала я». Слова эти, подобно первымъ каплямъ грозовой тучи, грузно падали сверху на землю и эхомъ неслись по садамъ, будоража пернатое население, но отклика среди людей они не вызывали. Нѣкому было въ этомъ изначала сонномъ городкѣ понять душевную муку пѣвицы, нѣкому было отозваться на ея скорбный призывъ. Да и пѣла Кетъ не для нихъ. Скорбь свою она несла къ подножію ПРЕСТОЛА ТОЙ, которая, испытавъ САМА величайшую изъ скорбей, не могла не простереть надъ ней благословляющую руку.

КЕТЪ пѣла, а мысли ея быстролетными птицами неслись въ далекое прошлое. Туда, гдѣ не было бурь и грозъ, мучительныхъ сомнѣній. Въ тотъ міръ, гдѣ въ свѣтѣ дѣтскихъ лѣтъ жизнь казалась вѣчной сказкой. Чудился ей большой садъ въ городѣ К. — въ зимнемъ нарядѣ. Неподвижно, точно привидѣнія, застывшія деревья и кусты въ своихъ пышныхъ бѣлыхъ уборахъ. Густая пелена беззвучно падавшего мягкаго февральскаго снѣга.

Снѣжное царство... Снѣжное царство согрѣтое золотыми солнечными лучами ея всего лишь двѣнадцатой весны.

Черезъ призму минувшихъ лѣтъ, Кетъ, точно въ зеркалѣ, видѣла себя среди нагроможденныхъ сугробовъ въ бѣлой мѣховой шубкѣ, такой же шапочкѣ и большихъ ботахъ, дѣлавшей свои первые неуверенные, робкіе шаги по дорогѣ жизни... Нерѣшительно, со смущенной улыбкой протягивала она руку стоявшему передъ нею мальчику въ формѣ реалиста, по виду года на два старше ея.

— Какъ меня зовутъ? отозвалась она на его вопросъ объ имени. — Меня зовутъ Катей.

— А меня Колей. Хотите мы будемъ съ Вами друзьями? спросилъ онъ, немного подумавъ, точно размышляя, не оскорбитъ ли его достоинства дружба съ дѣвченкой.

— Да... Хочу, отвѣтила она чуть слышно, протягивая одновременно ему свою маленькую ручку въ вязанной бѣлой перчаткѣ.

— Итакъ!.. Мы друзья. Но Вы должны слушаться меня, — заявилъ онъ авторитетно. — Вы согласны?

— Да.

— Катя! Катя! — повторилъ онъ вслѣдъ затѣмъ два раза, прислушиваясь къ музыкѣ этого слова. — Нѣтъ, это имя къ вамъ не идетъ. Съ сегодняшняго дня вы будете не Катя, а Кетъ, такъ будетъ лучше, — рѣшилъ онъ безапелляціонно.

— Кетъ? Это красиво, — отвѣтила она съ милой улыбкой, сразу подчиняясь его волѣ.

Съ этого дня имя Кетъ утвердилось за ней навсегда — также какъ въ памяти ея прочно осѣлъ этотъ снѣжный день съ его непроницаемой бѣлой вуалью, точно завѣсой скрывавшей отъ нея дали. Заманчивыя дали съ безпредѣльнымъ просторомъ, съ таинственной безбрежностью, съ неиспытанными радостями и неизвѣданными наслажденіями.

Дали, въ которыя въ этотъ счастливый день ея юности она впрочемъ

и не пыталась заглянуть — слишком ново и волнующе было для нея едва лишь осознанное настоящее. Настоящее со смутным ощущением наступившего перелома в ее жизни, — перелома внезапно нарушившего спокойное течение ее в привычных берегах повседневности и внесшего совершенно непонятное волнение в ее еще совсем юную душу.

— Мы друзья... — повторила она чуть слышно, улыбаясь. — Друзья? Никогда не было у меня друзей. Какъ я рада. Друзья! — повторила она, вновь прислушиваясь къ этому слову.

— «Дружба обязываетъ», вспомнила она слова, неоднократно слышанные изъ устъ матери.

— Къ чему обязываетъ? Почему это слово «друзья» такъ волнуетъ меня? спрашивала она сама себя, вкладывая въ слово «друзья» какой-то особый смыслъ.

Много и другихъ неопредѣленныхъ мыслей бродило въ ее дѣтской головкѣ, но какъ намъ уловить ихъ, когда и самой Кетъ онѣ представлялись въ какомъ-то туманѣ.

Но вотъ видѣніе исчезло. Кетъ почудился большой двухъэтажный домъ въ саду, съ балкономъ и видомъ на Оку. Большая уютная гостинная съ пушистымъ ковромъ, гдѣ среди пуфовъ и старомодныхъ дивановъ прошла ее свѣтлая юность. Невольно вспомнилась и лампа «ТОРШЕРЪ» подъ большимъ темно-краснымъ абажуромъ, оставлявшимъ углы гостинной въ тѣни, гдѣ въ былое время слышались ей шорохи и вздохи, не разъ заставлявшіе ее робко озираться вокругъ.

Мысленно заглянула она и въ большія зеркала въ простѣнкахъ гостинной, въ которыхъ отчетливо, точно на экранѣ, промелькнули передъ ней видѣнія далекаго прошлаго. Видѣнія быстро скользящія по гладкой зеркальной поверхности и тонувшія гдѣ-то въ неизмѣримой глубинѣ волшебныхъ зеркалъ.

Тамъ въ ихъ глубинѣ она видѣла, какъ постепенно ее дружба съ Колей смѣнилась въ ее ощущеніи дѣтскимъ наивнымъ чувствомъ любви — любви безъ отвѣта.

II

Веселымъ хороводомъ мелькнули годы юности... Незамѣтно для себя и другихъ дѣвочка Кетъ превратилась въ красивую, одаренную дѣвушку. Природа не поскупилась надѣлать ее своими дарами. Представительная внѣшность, грація, сочное контральто, тонкій слухъ, правильная черты лица, а главное удивительно привлекательная улыбка сразу же покорявшая каждого съ кѣмъ сталкивала ее судьба.

Вотъ тѣ богатства, которыя открывали передъ ней широкія перспективы и сулили яркую, красочную будущность. Даже завистливыя подружки и тѣ не отрицали ее достоинствъ и одаренности, пуская лишь изрѣдка туманныя шпильки по поводу ее нарядовъ.

Кетъ выросла, выровнялась, а вмѣстѣ съ нею выросло, оформилось и чувство ее къ Колѣ уже произведенному въ офицеры — въ полкъ сто-

явшій въ городѣ К. Наивная дѣтская любовь ея растворилась въ суетѣ школьных лѣтъ, смѣнившись горячимъ всепоглащающимъ чувствомъ первой любви. Любви всеобъемлющей, жаждущей такой же взаимности, не признающей никакихъ компромиссовъ и сдѣлокъ съ разумомъ.

Это чувство Кетъ хранила въ самыхъ недоступныхъ тайникахъ своего сердца, всячески оберегая его отъ посторонняго любопытнаго взора.

Но жизнь не считалась съ личными переживаниями и шла своимъ чередомъ. Любительскіе концерты... громадный успѣхъ. Восторженные отзывы строгихъ критиковъ — приподняли завѣсу надъ ея будущностью. Выступленія эти сулили ей не спокойную семейную жизнь, а блестящую сценическую карьеру. Родные усиленно совѣтывали ей ѣхать въ Москву въ консерваторію.

Но Кетъ оставалась равнодушной и къ успѣхамъ и къ предсказаніямъ. Казалось, что жизнь въ провинціальномъ городкѣ вполне удовлетворяетъ ея запросы и что сонный тѣмъ послѣдней для нея дороже всякой СЛАВЫ.

Что таилось за этимъ кажущимся равнодушіемъ, про то никто не зналъ — она никому не открывала свою душу, никого не посвящала въ свои планы и надежды.

Кетъ охотно слушала всѣхъ, соглашалась съ основательностью всѣхъ даваемыхъ ей совѣтовъ, но чемоданы ея продолжали стоять на своемъ мѣстѣ не уложенными.

Но вотъ въ одно, совсѣмъ не прекрасное утро — моросилъ дождь, висѣлъ туманъ въ облѣзломъ саду, а на высокихъ тополяхъ нахохлившись сидѣли мокрыя, печальныя вороны. — Кетъ съ веселымъ довольнымъ видомъ оживленная, интересная появилась въ столовой къ утреннему чаю.

Мать сразу замѣтила ея повышенное настроеніе и что-то новое въ ея оживленномъ лицѣ, но промолчала...

— Знаешь, что я надумала, мамочка? — спросила Кетъ, садясь на свое мѣсто.

— Странный вопросъ, моя родная. — Откуда же я могу знать какіе планы и проекты зародились въ твоей головкѣ. Думаю, что ты и сама подѣлишься ими со мной.

— Конечно. Хотя, по правдѣ сказать, ничего новаго я не могу сообщить тебѣ. Я лишь подвела итогъ вопросамъ, поставленнымъ жизнью за послѣдніе мѣсяцы. И рѣшила, что дѣйствительно сидѣть здѣсь безъ дѣла мнѣ не къ лицу. Пора взяться за работу. Вотъ я и надумала ѣхать по твоему совѣту въ Москву въ консерваторію...

Сказавъ это, Кетъ, опустила глаза и чуть замѣтно покраснѣла.

Мать поняла, что за этимъ проектомъ что-то кроется, что рѣшеніе это принято ею не просто, но зная скрытый характеръ дочери, ничего спрашивать не стала въ полной увѣренности, что отъ материнскаго глаза ничто не укроется и секретъ Кетъ самъ собою выплыветъ наружу. Ничего не спросивъ, мать горячо поддержала ея рѣшеніе и даже посовѣтовала не откладывать отъѣзда въ долгій ящикъ.

Но что же заставило Кетъ такъ неожиданно принять это рѣшеніе?

Бросивъ нескромный взглядъ въ ея дневникъ, мы тотчасъ легко узнаемъ ея секретъ.

Кетъ всю эту ночь не спала, обдумывая свои отношенія съ Колей. Послѣ долгихъ размышленій она пришла къ заключенію, что въ сложившихся условіяхъ, въ обстановкѣ почти родственныхъ отношеній, дружескія чувства Коли никогда не смѣнятся другими.

Значить, надо было разбудить въ немъ интересъ къ себѣ въ другой болѣе красочной рамкѣ чѣмъ рамка благой нравной и воспитанной дѣвушки хорошей семьи. Надо показать себя въ другомъ свѣтѣ. Надо разбудить въ немъ ревность, хотя бы безсознательную.

Надо окружить себя поклоненіемъ блестящей толпы и тогда... тогда все можетъ измѣниться.

Но совершить это чудо можетъ только сцена — только рампа можетъ показать ее любимому человѣку во всемъ блескѣ ея женской привлекательности.

Совмѣстно проведенное дѣтство это только минусъ для меня. Въ немъ я не найду своего счастья.

А потому о немъ слѣдуетъ забыть и создать другую обстановку.

Вотъ о чемъ говорилъ ея дневникъ.

Найденное рѣшеніе и привело ее въ хорошее повышенное настроеніе. Однако это рѣшеніе мало согласовалось съ дѣломъ. Кетъ точно забыла о немъ. Просто вѣдь рѣшить, не трудно и въ поѣздѣ сѣсть. Но уѣхать?!.. Вѣдь уѣхать предстояло одной — Коля оставался. Кто знаетъ, что могла она найти, вернувшись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ Москвы.

— «Съ глазъ долой — изъ сердца вонъ» говоритъ русская пословица и эта пословица ежеминутно смущала ея покой.

Кетъ медлила... Не хватало силъ оторваться отъ своей сказки, оставить родной городъ, мѣсяцами не видѣть того, кто самъ того не вѣдая, весну ея жизни превратилъ въ благоуханный садъ.

Кетъ медлила въ смутной надеждѣ на что-то. Но на что она и сама не знала, — эта надежда мелькала передъ ея мысленнымъ взоромъ лишь въ видѣ какихъ-то совершенно не оформленныхъ предположеній.

Не разъ спрашивала она себя: «На что собственно я надѣюсь»? Но отвѣта на этотъ вопросъ не находила.

Наоборотъ, съ каждымъ днемъ у нея все больше и больше укрѣплялась увѣренность, что Коля никакихъ чувствъ, кромѣ чисто дружескихъ къ ней не питаетъ.

На что же надѣяться? Но, вопреки очевидности, Кетъ все-таки продолжала надѣяться, ибо вѣдь этой надежды у нея не было жизни, не было интересовъ.

Надежды надеждами... Но ничего не мѣнялось. Все точно застыло, замерло въ холодномъ дыханіи наступившей зимы.

Кетъ любила — Коля молчалъ.

Кончились февральскія вьюги... Прошла весна, своимъ тлетворнымъ дыханіемъ унесшая въ могилу мать Кетъ. Въ палящихъ солнечныхъ лучахъ стогло лѣто.

Вновь падаетъ снѣжная пелена — хоронить увядшія мечты. Вновь бѣлая кисея застилаетъ и безъ того плохо видимыя, въ наступающихъ сумеркахъ, дали.

Кетъ на вокзалѣ К. Шумная толпа весело настроенной молодежи, собравшейся ее проводить. Среди молодежи и Коля въ своемъ свѣтломъ офицерскомъ пальто.

У платформы уютный Пульмановскій вагонъ и передъ Кетъ широкій путь къ новой жизни, къ загадочному неизвѣстному будущему.

Но на этотъ новый еще незнакомый ей тернистый путь Кетъ вступала безъ порыва и волненія, безъ того огня, въ коемъ перегораютъ всѣ сомнѣнія, безъ остатка растворяется все прошлое и человѣкъ съ обновленными силами, со священнымъ трепетомъ вступаетъ въ міръ творчества.

Душа Кетъ осталась въ плѣну, а безъ души нѣтъ творчества, нѣтъ созиданія.

Кетъ вступала на проторенную былымъ настроеніемъ дорожку, не думая ни о творчествѣ, ни о Славѣ. Последняя не манила ее больше своимъ сіяніемъ, не вызывала сладкаго замѣранія сердца.

Сердце не принадлежало больше ей, не реагировало на открывавшіяся передъ нею перспективы — оно страдало. Страдало отъ любви безъ отвѣта, отъ предстоящей разлуки.

Въ этотъ снѣжный день воображеніе не хотѣло перенести ее въ будущее, нарисовать картину предстоящей ей жизни въ мірѣ вдохновенія и звуковъ. Наоборотъ, оно упорно стремилось въ прошлое — туда, гдѣ она пережила такъ много счастливыхъ минутъ, такъ много тяжелыхъ разочарованій и несбывшихся надеждъ.

Москва не манила больше ее.

Грустная и задумчивая стояла она среди толпы провожатыхъ, не замѣчая послѣднихъ и съ трудомъ реагируя на обращаемые къ ней вопросы и пожеланія. Сердце ея болѣзненно сжималось.

Коля, стоявшій рядомъ съ ней, и не подозревалъ о ея переживаніяхъ. Всѣ ихъ близкія дружескія отношенія, онъ считалъ лишь слѣдствіемъ совмѣстно прошедшаго дѣтства.

Это прошлое яркой молніей мелькнуло передъ его мысленнымъ взоромъ. Мелькнуло — вызвавъ невольное волненіе.

Мысленно Коля вновь перечиталъ уже давно перевернутыя страницы жизни и остро ощутилъ, что это уходящее прошлое вмѣстѣ съ собою уноситъ частицу его души.

Эти же страницы подсказали ему, что пришелъ моментъ — когда пытливая мысль невольно заглядываетъ въ будущее, стараясь найти въ немъ рѣшеніе настоящаго. Настоящаго полного аромата еще не увядшихъ цвѣтовъ.

Ароматъ этотъ напомнилъ ему о томъ, о чемъ онъ никогда до сихъ поръ не задумывался — что пришло время, когда мѣсто его въ жизни Кетъ можетъ быть занято по праву другимъ человѣкомъ, что все столь близкое ему прошлое въ свѣтѣ новой жизни можетъ сторѣть безъ остатка какъ сторають весенніе цвѣты въ лучахъ знойнаго лѣтняго солнца.

Но эта мысль не взволновала его. Не забилося сильнѣе и сердце. Только легкая грусть быстрой тѣнью мелькнула въ его глазахъ. Грусть отъ сознанія возможности утраты друга...

Тоскливымъ взоромъ окинулъ онъ поѣздъ, это чудище злобно шипѣвшее на задержку, мѣшавшую ему вырваться наконецъ изъ круга обступившихъ его и давно надѣвшихъ, вѣчно чѣмъ-то недовольныхъ и ноющихъ, людей.

Коля быстро взялъ себя въ руки и лицо его вновь озарилось веселой улыбкой.

Эту минутную смѣну его настроенія, эту едва уловимую тѣнь въ его глазахъ замѣтила только Кетъ, но и та не могла объяснить ее себѣ.

Но вотъ и второй звонокъ...

Шумъ, смѣхъ и говоръ сразу смолкли. Всѣ суетливо начали прощаться съ Кетъ.

— До свиданія Коля — не поминайте лихомъ, — сказала Кетъ, повернувшись въ его сторону и съ трудомъ сдерживая готовыя брызнуть слезы.

— Почему до свиданія? Вы не хотите чтобы я проводилъ васъ до Москвы? Вотъ и вѣрь въ дружбу! А я и билетъ взялъ въ расчетъ на послѣднюю, — отвѣтилъ онъ, показывая ей билетъ.

— Вы ѣдете со мною? Тѣмъ лучше! Поболтаемъ, пожуримъ судьбу, — отвѣтила довольная Кетъ, весело улыбувшись.

Не успѣла Кетъ расцѣловаться со всѣми своими подругами, какъ рѣзко загремѣлъ третій звонокъ.

Кетъ, а за ней Коля, вскочили въ вагонъ.

Свистокъ оберъ-кондуктора и поѣздъ тихо, нехотя тронулся. Въ воздухѣ замелькали платки, шарфы, муфты, поднятыя руки.

«Счастливаго пути» донесся до Кетъ послѣдній привѣтъ съ далеко уплывшей ярко освѣщенной платформы, точно завѣсой забвенія, быстро заволакивавшейся снѣжной пеленой.

Скрылась и платформа... Замелькали разноцвѣтные огоньки станціонныхъ фонарей — этихъ первыхъ вѣхъ грядущей разнообразной и яркой, полной впечатлѣній, новой артистической жизни.

Поѣздъ прибавилъ ходу и скоро утонулъ въ сумракѣ снѣжныхъ полей.

Толпа провожатыхъ, знакомыя дорогія лица, прошлая жизнь съ едва лишь осознанными тревогами и волненіями внезапно утонули въ черной мглѣ.

Кетъ молча стояла на площадкѣ вагона, внимательно вглядываясь въ темноту спустившейся ночи, точно пытаясь проникнуть за этотъ таинственный занавѣсъ своей судьбы. На лицѣ ея играла разсѣянная улыбка.

— Кетъ! что же мы стоимъ здѣсь? Идемъ въ вагонъ, — сказалъ Коля, отрывая ее отъ охватившихъ ее видѣній прошлаго.

— А... Да, идемъ, — отозвалась она отрываясь отъ своего созерцательнаго настроенія и проходя въ открытую Колей дверь вагона.

И вотъ, точно по мановенію волшебной палочки, сразу вся жизнь всѣхъ интересы ея съ широкаго простора русской провинціи неожиданно перенесли на ограниченное пространство погруженнаго въ полумракъ вагона.

Кетъ вздрогнула — ей почудилось... Почудилось, всего лишь на мигъ, что только сейчасъ въ этомъ располагающемъ къ бесѣдѣ полусумракѣ, подъ однообразный рокотъ колесъ начинается для нея настоящая жизнь, та новая жизнь, что снилась ей съ далекихъ дней золотого дѣтства.

Непонятное волненіе охватило ея сердце — она чего-то ждала, но чего она и сама не могла понять. Всѣ мечты и надежды давно уже разлетѣлись и не здѣсь же было имъ возродиться, мелькнула у нея мысль, но сердце ея усиленно билось, не слушая голоса разума.

Вотъ, вотъ, казалось ей, она услышитъ слова, что успокоятъ ея сомнѣнія, душевныя муки и терзанія — слова съ которыхъ начнется новая яркая жизнь.

Но Коля молчалъ. Впервые, оставшись вдвоемъ съ Кетъ, онъ не находилъ словъ, тѣхъ простыхъ дружескихъ словъ, что рѣкой лились въ былое время. Впервые между ними легла какая-то необъяснимая преграда.

Внутренній голосъ подсказывалъ ему, что въ эти минуты онъ долженъ сказать Кетъ что-то особенное, подведя итоги ихъ долговременныхъ дружескихъ отношеній. Но что особеннаго онъ могъ сказать, когда, какъ ему казалось, вокругъ все было столь привычно и обыденно.

— О чемъ вы думаете? — спросила Кетъ.

— Рѣшаю задачу, — отвѣтилъ онъ, отрываясь отъ своихъ назойливыхъ и помимо его желанія волнующихъ его мыслей. — Слышите пѣсенку колесъ? О чемъ поютъ они? Мнѣ кажется — они ворчатъ на паровозъ за сумасшедшій бѣгъ его впередъ. Куда, зачѣмъ онъ торопится? Недовольно ворчатъ они?

— Да? А я такъ думаю наоборотъ — они подгоняютъ паровозъ. Слышите? «Скорѣй впередъ! Скорѣй впередъ!» твердятъ они настойчиво. — отвѣтила Кетъ съ улыбкой.

— Это невозможно! — возразилъ Коля.

— Прежде всего почему мы стоимъ у окна? Сядемъ сюда на диванъ, — сказала Кетъ указывая рукой на мѣсто около окна.

— Вы говорите «невозможно», повторила она слова Коли. Почему и что именно невозможно? А что вы хотѣли бы услышать отъ нихъ?

— Я лично предпочелъ бы, чтобы они замолчали, — со смѣхомъ отозвался Коля, скрывая внезапно охватившую его печаль.

«Скорѣй въ Москву. Скорѣй въ Москву», начали тѣмъ временемъ колеса новый припѣвъ, мѣшая Колѣ сосредоточиться и найти нужныя сло-

ва, дабы выразить Кетъ свою симпатію въ этотъ рѣшительный моментъ ея жизни. Слова, что поддерживали бы ея бодрость и вѣру въ свои силы.

Нельзя же, думалъ онъ, на переломѣ ея жизни ограничиться обычной болтовней.

«Торопись! Торопись! Торопись!» — зацѣвали колеса новую пѣсенку... Торопись! Смѣшно! Куда? Зачѣмъ торопиться? Впереди такъ много времени, вертѣлась въ головѣ Коля мысль, — не изжитой молодости.

Ну! Итоги можно подвести и завтра въ Москвѣ, рѣшилъ онъ наконецъ. Тамъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ мысль будетъ отчетливѣе — тамъ будетъ легче подобрать и нужныя слова, внушалъ онъ себѣ, бессознательно, по непонятной ему самому причинѣ, стремясь отложить хотя бы на время эту бесѣду.

Ну, что на самомъ дѣлѣ можно сказать Кетъ? Говорить о нашей дружбѣ? но это ясно и безъ моихъ словъ.

«Кетъ уѣзжаетъ. Кетъ уѣзжаетъ» — тарахтѣли колеса.

Вѣрно. Возможно даже, что навсегда! — подумалъ Коля, прислушиваясь къ ихъ говору и стараясь отогнать отъ себя мысль о предстоящей разлукѣ съ Кетъ.

Но мысль эта настойчиво стучалась въ его сознаніе, вызывая въ немъ какое-то непонятное раздраженіе и недовольство собой. Передъ нимъ рисовались картины минувшихъ лѣтъ, прошедшихъ въ обществѣ Кетъ. Безконечныя бесѣды ихъ. Воздушныя замки, что строили они въ зимніе холодные вечера, подъ завываніе вьюги за окнами, разукрашенными морозомъ причудливыми рисунками. Споры о прочитанной книгѣ, когда каждый оставался при своемъ мнѣніи. Судь надъ бесплодно прожитымъ днемъ съ суровыми, несоотвѣтствующими винѣ подсудимыхъ, приговорами.

Вспомнились ему и ихъ мечты о будущемъ, которое рисовалось имъ по-разному. Кетъ стремилась сдѣлаться извѣстной артисткой, а Коля не могъ представить себя иначе какъ офицеромъ.

Неужели же это все исчезнетъ? Уйдетъ въ небытіе? Во имя чего? Славы? Каприза толпы? Неужели же годы дружбы разсѣются въ свѣтѣ огней ramпы и Кетъ, товарищъ его дѣтскихъ игръ, заживетъ новой обособленной, непонятной ему жизнью?

Возможно ли это? — подумалъ онъ съ бессознательнымъ чувствомъ ревности. Ревности не любви, а своихъ, какъ онъ считалъ, неоспоримыхъ правъ на ея особое вниманіе и дружбу.

Въ душѣ его шевельнулось желаніе удержать Кетъ. Но какъ? всталъ передъ нимъ вопросъ.

Машинально придвинулся онъ ближе къ Кетъ. Пытливо заглянулъ въ самую глубину ея глазъ, точно стремясь проникнуть въ ея душу и найти тамъ отвѣтъ на свой нѣмой вопросъ.

— Кетъ, почему собственно вы такъ стремитесь на сцену? Почему уютъ домашнего очага мѣняете на безпокойную, капризную толпу, къ вкусамъ которой вамъ придется подлаживаться? — спросилъ онъ неосжи-

данно для себя, причѣмъ въ голосѣ его прозвучала какая-то новая нотка, не то ласки, не то сожалѣнія.

Эту нотку Кетъ тотчасъ почувствовала и вопросительно взглянула на него.

— Почему? — повторила она его вопросъ. Странно! Мы уже много говорили съ вами на эту тему — хочу сдѣлать карьеру. Кажется, это понятно.

— Карьеру?! — произнесъ Коля растягивая буквы. Карьеру? Но карьера дѣвушки это замужество, а не личный трудъ, — возразилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Однако, Коля, у васъ крѣпко застѣли въ сознаниіи идеи «домостроя», что для меня новость. Вы не видите даже, что современная женщина уже переросла «Домострой» и давно вылѣзла изъ этой скорлупы, отозвалась Кетъ обиженнымъ тономъ.

— Вылѣзла изъ этой скорлупы? Ну, въ этомъ пунктѣ я съ вами не согласенъ. Не вылѣзла, а развѣ только, какъ цыпленокъ, чуть пробила эту скорлупу.

Да и что привлекательного для женщины нашли бы вы въ этомъ равноправіи съ мужчиной на карьеру? Не думаете ли вы, что отъ этого красоты жизни поблекли бы только.

— Какъ?! Голубчикъ Коля, какъ вамъ не стыдно! Вы отводите женщинѣ мѣсто въ вазѣ на столѣ, тогда какъ мы женщины хотимъ сидѣть съ вами за столомъ. Положительно я васъ не узнаю — отъ васъ вѣтъ идеями Московскаго царства, а вѣдь теперь двадцатый вѣкъ, возразила она ласково улыбувшись ему, какъ бы желая скрасить горькую пилюлю.

Коля смолкъ. Какъ удержать Кетъ? вновь всталъ передъ нимъ назойливый вопросъ.

Какъ? Какъ? подсмѣивалось надъ нимъ его второе я. Какъ? Какъ? Да также какъ это дѣлаютъ всѣ молодые люди.

Посмотри на Кетъ. Развѣ она не украситъ твою жизнь, не согрѣетъ ее тихой лаской, не наполнитъ ее внутреннимъ содержаніемъ, шептало ему на ухо его второе я.

«Кетъ уѣзжаетъ». «Кетъ уѣзжаетъ». Торопись. Торопись. Торопись. Торопись», гудѣли колеса.

И вотъ... Мечта, казавшаяся Кетъ неосуществимой, осуществилась — она невѣста.

Какъ это случилось — она и сама не давала себѣ отчета. Въ словахъ Коли она плохо разбиралась. Все захлестнула волна неожиданно упавшаго на нее счастья. Помнила только, — говорилъ онъ горячо, убѣдительно, съ волненіемъ. Рисовалъ картины ихъ будущей жизни, высказывая увѣренность, что жизнь ихъ сложится конечно удачно, залогомъ чего являлась ихъ дружба и взаимная симпатія съ дѣтства.

Говорилъ о томъ, что она будетъ украшеніемъ создаваемого ими очага, гдѣ онъ сможетъ черпать бодрость и волю къ преодолѣнію жизненныхъ неудачъ. Говорилъ, что безъ нея онъ не представляетъ себѣ своей жизни.

Въ словахъ его было много нѣжной ласки, теплаго сердечнаго расположенія, надежды и вѣры — чувствовалось, что они исходили изъ сердца.

Въ нихъ было много любви, но любви братской, любви безъ страсти.

Кетъ не осознала этого, не поняла, что источникомъ ихъ чувствъ являлись различные полюсы — взаимно другъ друга исключаютіе. Только въ послѣдствіи вспомнила она до мельчайшихъ подробностей этотъ самый яркій мигъ ея жизни — не только все поняла, но и ощутила всѣмъ своимъ сердцемъ. Но было слишкомъ поздно. Сейчасъ же въ сердцѣ ея было полно счастья и далеко отъ всякихъ сомнѣній.

«Невѣста» то и дѣло повторяла она про себя съ радостной улыбкой, сосредоточенно прислушиваясь къ скрытой и только ей одной понятной игрѣ этихъ сами буквъ — «Невѣста». Игрѣ, отъ которой все пѣло въ ея душѣ, а жизнь казалась безбрежно прекрасной.

Въ легкой дружеской бесѣдѣ, въ мечтахъ о будущемъ, незамѣтно прошла ночь.

Мутный разсвѣтъ смѣнился яркимъ солнцемъ.

Поездъ помчался по станціоннымъ стрѣлкамъ. Кетъ вскочила съ диванчика и бросилась къ окну.

— Москва! — радостно вскрикнула она, вкладывая въ это слово какое-то особое значеніе.

— Какъ быстро и незамѣтно мелькнула ночь, — сказала она, коротко оправляя свою шапочку и шаловливо подбрасывая вверхъ свою бѣлую мѣховую муфту, мелькнувшую въ воздухѣ какъ снѣжный шаръ.

IV

Москва. Поездъ замедляетъ ходъ, пріостанавливается... Дѣлаетъ послѣднее конвульсивное усиліе и наконецъ окончательно замираетъ. Черезъ двери въ вагонъ врывается морозный воздухъ, шекочущій нервы, заставляющій человѣка подобраться, скинуть съ себя сонливость плохо проведенной ночи.

Вмѣстѣ съ морозомъ въ вагонъ врывается гомонъ толпы и ватага носильщиковъ.

Кетъ съ Колей быстро выскакиваютъ на платформу до отказа забитую суетливой толпой.

Ихъ оглушаетъ громкій, въ полный голосъ, говоръ лицъ встрѣчающихъ пріѣзжихъ. Растерянные возгласы дамъ, ищущихъ носильщиковъ, стоящихъ тутъ же около нихъ. Переключка случайныхъ попутчиковъ, приглашающихъ другъ друга въ гости. Свистки паровозовъ. Звонки швейцаровъ выкрикивающихъ «Москва. Первый звонокъ на Курскъ. Поездъ стоитъ двадцать минутъ. Буфетъ».

Шумъ, гамъ, хаосъ проистекающіе не изъ безпорядочности русской натуры, а изъ широты русской души, изъ чувства простора, не знающаго границъ.

«Умомъ Россію не объять, аршиномъ не измѣрить», вспомнилъ Коля слова Тютчева.

Весь этот гамъ и ощущеніе напряженной, какъ тетива лука, жизни столицы сразу же захватили ихъ обоихъ, окунувъ въ родную русскую атмосферу особенно сильно ощущавшуюся въ сердцѣ РОССИИ — МОСКВѢ. «Москва»... Радостнымъ взоромъ окинула Кетъ хорошо знакомый вокзалъ Кіево-Воронежской желѣзной дороги.

Не отдавая себѣ отчета, по привычкѣ, они прежде всего прошли къ буфету, гдѣ на стойкѣ грудой были навалены московскіе пирожки, распространявшіе вокругъ себя соблазнительный аромат.

«Благодарѣ!» подумала Кетъ, окидывая взглядомъ съ полсотни стоявшихъ на стойкѣ передъ ними различныхъ закусокъ.

Развѣ можно равнодушно пройти мимо, не задержавшись хотя на минуту, подумалъ Коля.

— Да! Это тебѣ не заграничная аптека, а Москва. Старая хлѣбосольная Москва, — сказала Кетъ выбирая слоеный пирожокъ. Вѣдь подумать только — какъ много видѣла Москва, эта старушка, на своемъ вѣку... дикихъ татаръ, родственныхъ славянъ и просвѣщенныхъ европейцевъ. Не мало причинили они ей горя и слезъ... И вотъ отходчивая, широкая русская душа все забыла, все простила... Съ искренней радостью и съ ласковой улыбкой встрѣчаетъ Москва своихъ гостей, не спрашивая у нихъ паспортовъ.

Для всѣхъ находить она мѣсто, всѣмъ даетъ кусокъ русскаго пирога, всѣхъ согрѣваетъ своей лаской, не сказала, а вѣрнѣе громко пропѣла Кетъ дифирамбъ старой столицѣ.

— «Вѣрно барышня!» — пріятно слышать вашу оцѣнку нашимъ москвичамъ, отозвался проходившій мимо господинъ, снимая мѣховую шапку.

Кетъ сконфузилась и замолчала.

Коля съ радостью оглянулся вокругъ. Вѣдь это его Москва — ощутилъ онъ своимъ сердцемъ и ему сразу захотѣлось воздуха, солнца. Захотѣлось еще разъ взглянуть на русскую Святыню КРЕМЛЬ, скорѣе обнять своимъ взглядомъ родную красавицу Москву.

Передъ ними сани съ потрепанной мѣховой полостью.

— «Подвезу Ваше Сіятельство!», «Мигомъ доставлю!», — услышалъ Коля знакомую похвалбу ваньки.

— «Ну, ужъ и мигомъ», — усумнился Коля, оглаживая плохо кормленную лошаденку.

— Садимся, Коля. Дадимъ человѣку заработать, — сказала Кетъ, подходя къ санкамъ.

— Но, вѣдь, онъ будетъ два часа трепыхаться, — возразилъ Коля.

— Тѣмъ лучше. Куда намъ спѣшить? — отозвалась Кетъ съ улыбкой, видимо довольная возможностью дольше побыть наединѣ съ любимымъ человѣкомъ.

Съ трудомъ тронулъ ванька своего «рысака» и черезъ минуту Кетъ съ Колей заняли по московскимъ ухабамъ.

Торжественный гулъ «Ивана Великаго» и перезвонъ сорока сороковъ по случаю воскреснаго дня серебромъ разливались въ морозномъ воздухѣ, наполняя ихъ души благодатной радостью.

Чудилось имъ, что этимъ звономъ Москва привѣтствуетъ ихъ молодое счастье, благословляетъ ихъ грядущій Союзъ. Въ волнахъ его слышался только одной Кетъ понятный гимнъ, Гимнъ любви!

Солнечный яркій морозный день золотистой улыбкой своей обращалъ ихъ вниманіе на парадный серебристо-парчевый нарядъ, одѣтый Москвою по случаю праздника. Все сіяло вокругъ, все искрилось, переливаясь голубоватыми отсвѣтами.

Даже встрѣчные, любовавшіеся ихъ молодостью, и тѣ казались имъ родными, близкими людьми привѣтствовавшими ихъ прибытіе.

Кетъ съ Колей кланялись имъ, вызывая на ихъ лицахъ удивленіе, но одновременно мужчины снимали съ головы мѣховыя шапки, а женщины привѣтливо улыбались.

На душѣ у Кетъ было, какъ никогда, беззаботно и радостно. Она полной грудью вдыхала морозный воздухъ, пьянившій ее какъ первыя ласки — молодой любви.

Все веселило ее, все улыбалось ей, дивной музыкой отзываясь въ ея сердцѣ. Путанные переулки съ безконечными тупиками и тѣ воспринимались ею какъ прелекательная особенность родной уютной Москвы.

— Да... въ Москвѣ нѣтъ середины... Москва коли кутить такъ ужъ до послѣдней конѣйки, коли бить то до смерти, коли любить такъ ужъ безъ мѣры, думала Кетъ и эти мысли заставляли сильнѣе биться ея сердце, острѣе ощущать жизнь и свою побѣду.

— «Любить — такъ ужъ безъ мѣры», — повторила она про себя, принимая это къ сердцу какъ залогъ ея будущаго безоблачнаго счастья.

Думая это, она сбоку посмотрѣла на Колю. Встрѣтивъ его довольный улыбающийся взоръ, она отогнала отъ себя, возникшее было на мигъ, сомнѣніе въ прочности своего счастья.

Пьянящій ароматъ московскаго воздуха отразился и на Колѣ. Дружеское чувство къ Кетъ представилось ему въ болѣе яркихъ краскахъ. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ уже искренно повѣрилъ въ то, чего не было въ дѣйствительности — въ свою любовь къ Кетъ.

Да и какъ было не повѣрить въ это. Въ свѣтло-сѣрой шубкѣ опущенной бѣлымъ мѣхомъ и въ бѣлой мѣховой шапочкѣ, Кетъ казалась какой-то грезой, какимъ-то видѣніемъ снѣжной сѣверной сказки.

Къ этой сказкѣ и потянулось его не тронутое сердце.

Но, то быть миражъ. Миражъ обольстительный, кружившій голову, но мало волновавшій его сердце.

Миражъ въ рамкѣ кондитерской ТРЭМБЛЕ. Храма ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ, ресторана ТѢСТОВА и БОЛЬШОГО ИМПЕРАТОРСКАГО театра получившій колоритъ огромнаго праздника, когда нѣтъ мѣста сомнѣніямъ и всѣмъ будничнымъ заботамъ. Когда сердце поетъ и ликуетъ не разбираясь въ томъ, что несетъ ему этотъ праздникъ въ будущемъ.

В угарѣ этого миража Кетъ съ Колей забыли обо всемъ, стараясь лишь возможно прочнѣе закрѣпить въ своей памяти посланные имъ судьбою яркія минуты быстро текущаго дня.

Ихъ тянуло въ толпу къ людямъ, поскольку таковые являлись дополненіемъ къ яркимъ краскамъ переживаемаго ими момента.

Люди были для нихъ лишь свидѣтелями ихъ счастья, ихъ торжества. Это былъ послѣдній аккордъ музыкальной гаммы, волнующей сердце, зовущей ихъ къ новой жизни.

Безъ этого заключительнаго аккорда гамма была бы не полной. Сверкающій брилліантами морозный солнечный день казался бы недостаточно красивой рамкой для ихъ чувства.

Цѣлый день метались они изъ одного угла Москвы въ другой, то мчались на «голубцахъ», то скакали съ одного трамвая на другой, точно какая-то невѣдомая сила носила ихъ по Москвѣ въ поискахъ райской птицы, а она находилась внутри ихъ самихъ въ ихъ сердцахъ, и которую они уже нашли, какъ они оба ошибочно думали.

Кетъ наконецъ не выдержала.

— Что это мы мечемся? — спросила она, остановившись на мигъ у магазина на Кузнецкомъ мосту.

— Мы не мечемся, дорогая, — мы живемъ.

— Что такое жизнь? — Жизнь это смѣна впечатлѣній — это кипѣніе, задавъ Коля вопросъ и самъ же отвѣтилъ на него. Въ этомъ кипѣніи въ сущности и заключается красота жизни — топтаніе на мѣстѣ, не вливаясь въ бурный жизненный потокъ, это уже не жизнь, а подготовка въ міръ тѣней, посенилъ онъ свою мысль и повлекъ Кетъ дальше.

Въ сладкомъ дурманѣ миража быстро промелькнулъ день и Коля не успѣлъ оглянуться какъ часовая стрѣлка съ неумолимой строгостью напомнила имъ обоимъ о вокзалѣ.

Въ свѣтѣ происшедшихъ событій Кетъ не придавала никакого значенія этой кратковременной разлукѣ, этой минутной задержкѣ въ развитіи сказки, въ которой прочитано было лишь предисловіе.

Да и о чемъ было тревожиться и тужить когда между ними будетъ всего лишь шесть часовъ пути по желѣзной дорогѣ.

Съ веселыми шутками отправилась она проводить Колю на вокзалъ. Смѣхъ и остроты ея не смолкали.

Глаза ея горѣли, обжигая Колю. Лицо пылало, отражая какъ въ зеркалѣ переживанія ея юнаго сердца тронутаго первымъ трепетомъ любви. На душѣ у нея было ясно, никакіе вопросы въ этотъ моментъ ее не тревожили... Но... съ третьимъ звонкомъ Кетъ какъ-то сразу притихла. По ея лицу скользнула тѣнь, въ углахъ губъ легла едва замѣтная складка. Горѣвшія неизбывнымъ огнемъ глаза ея потухли — въ нихъ отразилась какая-то скрытая тревога.

— Ты дѣйствительно любишь меня? — съ волненіемъ спросила она Колю, смущенно цѣлуя его на прощаніе въ щеку.

— Станный вопросъ... А ты сама не чувствуешь этого? — отозвался онъ горячо, не вникнувъ хорошенько въ сокровенный смыслъ ея во-

проса, но въ тоже время незамѣтно для самого себя избѣгнувъ прямого отвѣта.

Въ дѣйствительности въ вопросѣ Кетъ отразилась вся безграничность, вся напряженность ея любви.

Но достаточно было нѣсколькихъ словъ Коли, чтобы всѣ тѣни сомнѣнія исчезли съ ея лица и тотчасъ заразительный смѣхъ ея бисеромъ разсыпался по платформѣ.

Въ немъ слышалась музыка ея любви, вѣра въ свои силы. Затуманившійся было взоръ ея вновь озарился ласковой, сіяющей улыбкой.

«Любить», повторила она про себя, окидывая счастливымъ взоромъ стоявшаго на площадкѣ вагона Колю.

Свистокъ кондуктора... Поѣздъ медленно тронулся. — «Почему нѣтъ Кетъ?» «Почему нѣтъ Кетъ?» затарахтѣли неугомонныя колеса.

Поѣздъ прибавилъ ходу и сразу что-то нарушило душевный покой Кетъ. Безъ всякой видимой причины разсѣялось ея беззаботное настроеніе и необъяснимая тревога стѣснила ея грудь.

На моментъ у нея мелькнула мысль, что больше она не увидитъ Колю, что съ поѣздомъ уходитъ ея счастье.

— Коля! — крикнула она, пытаясь вскочить на подножку послѣдняго вагона. Отвѣта не послѣдовало... Поѣздъ рванулся и ускорилъ ходъ, быстро скрывшись въ темнотѣ. Только красныя фонари еще мелькали вдали, вызывая тяжелое тоскливое чувство у оставшихся.

Платформа быстро опустѣла. Кетъ осталась одна со своими предчувствіями и непонятной тревогой.

«Люблю!» «люблю больше жизни!», громко крикнула она въ тѣмную ночь, дѣлая прощальный знакъ рукой по направленію скрывшагося поѣзда.

— Куда пойти теперь? Гдѣ найти моральную поддержку, въ эти тяжелыя минуты сомнѣній? Къ отцу поѣхать? но... онъ даже не обратитъ вниманія на мое состояніе — вѣдь каждый разъ, какъ я пріѣзжала къ нему, я всегда въ домѣ отца чувствовала себя чужой, подумала она.

— Нѣтъ, отецъ меня не поддержитъ — можетъ быть, тетя пойметъ меня, подумала она медленно направляясь къ вокзалу.

На душѣ у нея была пустота, которая окружала ее и на платформѣ. На рѣсницахъ у нея дрожали слезы, — первыя слезы любви.

V

Въ тиши провинціальной жизни, въ обществѣ излюбленныхъ книгъ, московскій пожаръ Коли сразу какъ-то самъ собою незамѣтно потухъ, перегорѣвъ въ тлѣющій огонекъ дружбы и братской любви.

Въ первую минуту Коля не придавалъ никакого значенія этому обстоятельству, такъ какъ оно являлось для него совершенно естественнымъ состояніемъ, не вносившимъ ничего новаго въ его жизнь и въ его отношенія съ Кетъ.

Такъ было... такъ продолжается...

Но внимательно вдумавшись во всѣ детали проведеннаго въ Москвѣ дня, вникнувъ въ ихъ бесѣды тамъ, онъ понималъ, что такъ было, но такъ не можетъ продолжаться послѣ Москвы.

Вопросъ сильно осложнился — появилось другое заинтересованное лицо, которое имѣетъ право внести въ создавшуюся обстановку новые штрихи, новыя детали.

Только вернувшись домой въ К. онъ понималъ чего она хотѣла отъ него. Не столько разумомъ, сколько подсознаніемъ онъ ощутилъ всю глубину ея чувства и невольно содрогнулся. Въ сердцѣ его не было чувства, которое достаточно ярко могло бы отозваться на ея безумную любовь.

Пламя любви, разгорѣвшись было въ Москвѣ быстро потухло. Конечно, по существу совершенно неважно это. Мы такъ давно знаемъ другъ друга, что этого вполне достаточно для брака.

— Вѣдь, я не только знаю Кетъ, но и люблю ее — не могу даже представить себѣ жизнь безъ нея. Такъ въ чемъ же дѣло? Къ чему эти сомнѣнія? Тревоги? Напрасныя волненія? Неужели Кетъ не пойметъ этого и будетъ искать какую-то сказочную птицу? — успокаивалъ онъ себя. Нельзя же мѣрять любовь термометромъ и требовать чтобы послѣдній показывалъ одинаковую температуру у обоихъ заинтересованныхъ лицъ? — думалъ онъ, стараясь успокоить свои опасенія.

Однако всѣ эти доводы, чѣмъ больше онъ въ нихъ разбирался, не только не успокаивали его, а наоборотъ нагромождали новыя опасенія.

Подсознаніе говорило ему, что съ теплымъ братскимъ чувствомъ Кетъ, не помирится. А тогда что? Разрывъ? Но онъ искренно не хотѣлъ этого. Разрушить имъ самимъ построенное зданіе онъ не хотѣлъ — Кетъ съ дѣтства вошла въ его жизнь — онъ считалъ ее неотъемлемой частицей своей жизни.

Всѣ эти соображенія явились слѣдствіемъ холоднаго разума. А сердце опасалось и почти было убѣждено въ неизбежности тяжелыхъ осложненийъ.

Какъ же разрѣшить этотъ деликатный вопросъ? — спрашивалъ онъ самъ себя въ полномъ недоумѣніи разводя руками. Но нужное рѣшеніе не приходило, несмотря на всѣ его старанія.

Поддерживать ли у Кетъ увѣренность въ его несуществующее чувство или же постепенно въ деликатной формѣ довести до ея сознанія истинное положеніе вопроса? Трудность своего положенія и сложность выдвинутого жизнью вопроса особенно онъ ощутилъ, принявшись за первое письмо къ Кетъ въ качествѣ его невѣсты.

Тщательно обдумавъ этотъ вопросъ, онъ рѣшилъ писать въ томъ же духѣ какъ писалъ ей раньше, стараясь избѣгать всякихъ признаній и давая понять свою любовь въ рамкахъ дружескихъ отношеній.

Но рѣшеніе это само по себѣ оказалось сложнѣе самаго вопроса вызвавшего ее, что сейчасъ же и почувствовалъ Коля съ первыхъ же строкъ своего письма. Изорванные листы почтовой бумаги вѣромъ летѣли въ корзину, а нужныхъ словъ для такого письма у него не находи-

лось и ему невольно приходило въ голову нѣсколько словъ изъ польскихъ поговорокъ:

«Цѣлую речки (ручки) або свои, падаю до ножекъ або стоя».

— Это тоже, что наполнять водой дырявый стаканъ, всё мои усилія безрезультатны и, видимо, таковыми и останутся, — подумалъ онъ.

Хорошо зная Кетъ онъ отлично понималъ, что всякія недомолвки — это ложка горчицы въ банкѣ меда.

Вѣдь Кетъ — это сердечный порывъ до самозабвенія. Какъ же написать ей такое письмо, въ которомъ каждое слово «ни два, ни полтора».

Вопросы и слова тонувшіе совершенно незамѣтно въ суматохѣ московскаго дня — въ письмѣ наоборотъ особенно ярко подчеркивали неискренность письма и немедленно превращались въ подводные камни, о которые разбивались всё его попытки придать письму приемлемую форму.

Въ этихъ его попыткахъ прошло два дня и самое отсутствіе его письма могло вызвать безпокойство Кетъ и ея неожиданное возвращеніе изъ Москвы въ К.

Цѣлый день еще онъ просидѣлъ за письменнымъ столомъ въ тщетныхъ попыткахъ найти прямой путь къ сердцу Кетъ. Къ вечеру третьяго дня у него уже замелькали въ глазахъ черныя мухи, разогнать которыя не было возможности.

Видя тщетность всёхъ своихъ попытокъ, онъ всталъ, одѣлся и вышелъ на улицу.

Пустынные улицы провинціального города быстро успокоили его нервы, а морозъ разсѣялъ его усталость, поднялъ настроеніе и онъ принялъ опредѣленное рѣшеніе, какъ разрубить этотъ Гордіевъ узелъ.

Вернувшись домой онъ въ нѣсколько минутъ написалъ Кетъ письмо. Перечитавъ его, онъ почувствовалъ, что письмо вышло не очень то гладко. Чувствовались натяжки. Самое главное въ немъ не было музыки и не было аромата благоухающей весны.

Но дѣло было сдѣлано — письмо написано и Коля сейчасъ же отнесъ его на почту. Это успокоило его нервы, но не уменьшило его опасеній. Чувство виновности передъ Кетъ осталось неизмѣннымъ.

VI

— Барышня, вамъ письмо, — войдя въ гостинную, радостнымъ тономъ возвѣстила горничная Наташа. Чутьемъ женщины Наташа уже проникла въ то, что еще оставалось секретомъ для другихъ.

Кетъ, сидѣвшая за піанино, быстро вскочила и чуть не вырвала письмо изъ рукъ улыбавшейся Наташи. Нетерпѣливо пальцемъ вскрыла цѣлую кипу отдѣльныхъ листковъ. На лицѣ ея заиграла счастливая улыбка. Такъ вотъ почему онъ молчалъ, подумала она, окидывая взоромъ цѣлую грудку исписанныхъ листковъ. Какъ много онъ написалъ мнѣ — не пожалѣлъ времени, подумала Кетъ и на лицѣ ея заиграла сіяющая улыбка.

Долго листокъ за листкомъ читала она полученное посланіе и лицо ея по мѣрѣ чтенія становилось все серьезнѣе. Видимо оно своимъ содержаніемъ вызывало у нея недоумѣніе. Наконецъ прочла послѣдній листокъ и глубоко задумалась.

— Что это такое? Гдѣ же тутъ любовь? Это — блестящее описаніе яркаго морознаго дня въ Москвѣ. Зачѣмъ мнѣ его описывать? — я сама никогда не забуду этого дня.

— Не понимаю, то ли я разучилась читать, то ли письмо умышленно написано такъ, чтобы его нельзя было понять — о любви ни слова. Можетъ быть, онъ писалъ это письмо кому-нибудь другому, но по ошибкѣ направилъ мнѣ, --- бродили въ ея головѣ недоумѣнные вопросы.

Кетъ безпомощно опустила на диванъ и задумалась. Но мысли не шли къ ней на помощь — мысли скакали въ какомъ-то бѣшенномъ танцѣ. Зато усиленно работала инстинктъ. Глаза Кетъ наполнились слезами. Открытіе ошеломило ее — она сразу вся потускнѣла.

— Не любить. Все было и ничего нѣтъ. А день в Москвѣ? съ тоской шептала она.

— Все, все уже ушло. Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть! утѣшала она себя, не замѣчая капающихъ на руки слезъ.

— БОЖЕ! спаси меня! Верни мнѣ утраченное счастье! Пожалѣй меня! въ отчаяніи зывала она къ ТВОРЦУ. А въ ухахъ у нея тарахтѣли колеса вагона: «Скорѣй въ Москву», «скорѣй въ Москву». Въ комнатѣ воцарилась мертвая тишина, еще больше подчеркивавшая ея страданія.

Кетъ бросилась на колѣни передъ образомъ, пыталась въ молитвѣ найти утѣшеніе и силы, облегчить боль своего взбаламученнаго сердца, внушить себѣ, что все въ рукахъ БОЖИХЪ и что если БОГЪ захочетъ, то самое ужасное горе также внезапно смѣнится радостью, какъ внезапно упало оно на ея плечи.

Но... молитва не проникала въ ея сердце, не наполняла его благостнымъ покоемъ, не создавала настроенія необходимаго для безграничной вѣры въ милосердіе БОЖЬЕ.

На самомъ днѣ ея души, гдѣ-то въ подсознаніи, почти незамѣтно для нея самой, мелькнулъ даже укоръ — БОЖЕ! за что же ТЫ наказываешь меня? За что ТЫ лишилъ меня такой безпредѣльной радости, о которой я мечтала съ дѣтскихъ лѣтъ? подумала она, стискивая руками свою разгоряченную голову.

Но, чувствуя, что утрата вѣры лишить ее окончательно возможности облегчить свои страданія и что тогда уже ничто не примиритъ ее съ жизнью, столь внезапно обманувшей ея ожиданія, Кетъ попыталась взять себя въ руки.

— Почему собственно я предаюсь такому отчаянію? Развѣ въ нашихъ отношеніяхъ съ Колей что-нибудь измѣнилось? пыталась она отвлечь свои мысли отъ волнующихъ вопросовъ вѣры. Вѣдь, все мое горе это — только ни на чемъ неоснованная тревога за будущее. Но развѣ кто-нибудь знаетъ свое будущее?

— Будущее — глубокіе потемки... Чего я ищу? Любви? Но Коля

любить меня съ дѣтства. Почему же я не хватаю обѣими руками то, что посылаетъ мнѣ судьба? Почему безцѣльно теряю драгоценное время? Жизнь коротка... Чего же медлю я?

— Коля любить... Да какъ сестру, какъ друга. Развѣ о такой любви я мечтала? Развѣ могу я примириться съ такой любовью и отказаться отъ того, что составляетъ самую красочную часть моей юности, отъ того, что свѣтлымъ видѣніемъ проходить черезъ всю грязь жизни и бывшей незабвенной сказкой согрѣваетъ старость.

— Лишиться этого. Нѣтъ — не могу, чуть не крикнула Кетъ, склоняя свою голову передъ образомъ БОГОМАТЕРИ.

Но сама БОГОМАТЕРЬ развѣ знала радость любви? Развѣ пережила ОНА эти красочныя минуты? И развѣ не нашла ОНА красоту жизни въ СВОЕМЪ СЫНѢ?

Почему же я, простая смертная, должна искать какой-то особенной любви? — подумала Кетъ.

Но боль сердца не стихала отъ этихъ мыслей.

— Вызвать Колю въ Москву, — мелькнула у нея мысль. Можетъ быть, Москва вернетъ его къ началу моей сказки и все вновь вернется?

— Да, но это означало бы, что я сама буду его направлять къ желанной мнѣ цѣли.

Нѣтъ, это невозможно. Никакого обмана, ничего искусственного я не хочу, подумала она.

Въ тишетной надеждѣ смягчить свое настроеніе физической усталостью, Кетъ начала метаться по комнатѣ. Наташа нѣсколько разъ подходила къ комнатѣ и незамѣтно слѣдила за Кетъ, но видя, что барышня чѣмъ-то очень разстроена, не рискнула войти.

Наконецъ обезсиленная физически и морально, Кетъ тяжело опустилась на стулъ, облокотилась на маленькій столикъ и задумалась. Взоръ ея ушелъ куда-то въ сумракъ времени, въ неизмѣримое пространство, въ невѣдомый міръ, куда доходили лишь отголоски земныхъ тревоженій, въ видѣ неопредѣленныхъ туманныхъ видѣній и неясныхъ звуковыхъ волнъ.

То былъ особый міръ едва уловимыхъ ощущеній. Міръ полупризраковъ, полуживыхъ существъ. Міръ, гдѣ тѣсно переплелось прошлое съ настоящимъ, реальное съ вымысломъ.

Кетъ чудился шелестъ падающаго снѣга, глухой рокотъ колесъ, шумъ и грохотъ большого города. Передъ глазами мелькала церковь, украшенная бѣлыми розами, но только что, было, она потянулась къ нимъ, какъ внезапно появившаяся откуда-то безформенная тѣнь преградила ей дорогу.

До слуха Кетъ донеслось приглушенное церковное пѣніе.

Но вотъ все исчезло. Смолкли звуки... Душа оставила земную оболочку... Наступилъ радостный покой — покой небытія.

Невѣдомая сила взмыла ее въ высь и понесла по безграничному воздушному эфиру.

Внизу подернутыя дымкой очертанія земли, надъ головой таинственная безбрежная голубая небесная твердь.

Въ прошломъ муки и терзанія — впереди неизвѣстность.

Куда, въ какіе неизвѣстные края несутъ ее внезапно выросшія у нея крылья? Что найдетъ она тамъ? Новыя мученія или обрѣтетъ то счастье, отъ котораго она отказалась? Счастье съ Колей. Отвѣтить на эти вопросы Кетъ не могла.

Съ радостью созерцала она новый невѣдомый міръ, міръ мнѣ времени и пространства. Съ наслажденіемъ вдыхала, ласково обтекавшія ее струи пьянящаго воздуха. Все въ жизни проходитъ. Вѣчнаго ничего нѣтъ. Радость чередуется съ горемъ. Муки и страданія тонуть въ рѣкѣ забвенія. Все смываетъ ея быстрый потокъ. Все временно... Только жизнь вѣчна. А жизнь такъ прекрасна и хороша, мелькало гдѣ-то въ самой глубинѣ души Кетъ.

По лицу ея скользнула улыбка. Кетъ улыбнулась яркому солнцу, грандіозной панорамѣ открывшейся ей съ высоты полета... новому заманчивому, еще не осознанному счастью — счастьемъ забвенія.

Кетъ открыла глаза. Быстрымъ взглядомъ окинула комнату. По лицу ея скользнуло недоумѣніе... Очевидно видѣнія и порохи реальной жизни не дошли еще до ея сознанія.

Гдѣ я? Какъ очутилась здѣсь? было написано на ея лицѣ.

Но вотъ она ощутила тяжесть тѣла и сразу изъ призрачнаго міра вернулась на землю. Въ тотъ же мигъ все вспомнила. Ахъ, да... Письмо... прошеніе она и потянула его со стола.

Прочла вновь... еще разъ перечитала... Горько улыбнулась. Дружба... Спасительное убѣжище въ минуту крушенія.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не объ этомъ я мечтала и не это примирить меня съ жизнью, — громко сказала она и съ рѣсницъ ея покатались слезы.

— Дружба и это — правда? Не можетъ быть. Все это только бредъ моей души. Игра кривого зеркала разгоряченнаго мозга. Въ письмѣ нѣтъ ни слова о дружбѣ, утѣшала она себя.

Но нѣтъ ни слова и о любви, — тотчасъ подсказала ей память. Невѣрно, Коля любить меня, настойчиво твердила она, пытаюсь разсѣять свои сомнѣнія.

Кетъ порывисто схватила письмо. Вновь прочитала его въ тщетной попыткѣ найти въ немъ подтвержденіе своей шаткой надеждѣ. Но чѣмъ больше она вчитывалась въ прыгающія передъ ея глазами строчки, тѣмъ быстрѣе нарастала увѣренность, что кажущееся счастье ея было лишь самовнушеніемъ, отзвукомъ ея мечты, ея безграничной любви, что день въ Москвѣ былъ лишь красивымъ сновидѣніемъ.

Кетъ опустилась на колѣни передъ образомъ БОГОМАТЕРИ и погрузилась въ молитву.

Кетъ совершенно ушла въ молитву — она молилась такъ горячо съ такой глубокой вѣрой, какъ могутъ молиться только чистые сердцемъ люди дѣйствительно вѣрующіе. Какъ молятся только наединѣ безъ свидѣтелей. До ея сознанія не доходили порохи жизни. Наконецъ, вскочивъ на ноги, она машинально взяла въ руки лежавшую на столѣ газету и ей

сразу бросилась на первой страницѣ статья, въ которой общалось о начавшейся очень сильной эпидеміи холеры на Волгѣ и приглашались на работу туда сестры милосердія.

Кетъ, имѣвшая документы объ окончаніи курсовъ сестеръ милосердія Краснаго Креста и отбывшая въ свое время практическій курсъ, ухватила за это объявленіе какъ за спасительный якорь.

Не откладывая въ долгій ящикъ, она сейчасъ же отправилась въ бюро, гдѣ производилась запись и на другой день утромъ уже имѣла на рукахъ всѣ документы о включеніи ея въ санитарный отрядъ, отправлявшійся въ Самару черезъ два дня.

На другой день она отправила Колѣ письмо.

Дорогой, Любимый Коля.

Ты, конечно, не забылъ, что я всегда съ юныхъ лѣтъ жила сердцемъ и его порывами. Велѣнія его для меня были непреодолимы.

Не знаю, принялъ ли ты это обстоятельство во вниманіе въ Москвѣ въ тотъ незабвенный яркій морозный день когда, увлеченная мечтой, я забыла о порогахъ жизни.

Ты понимаешь конечно, что объ этихъ порогахъ надо подумать и постараться ихъ избѣгнуть теперь, пока они не захватили насъ обоихъ въ свой круговоротъ.

Тщательно обдумавъ твое послѣднее письмо изъ К., я имѣю основаніе предполагать, почти съ полной увѣренностью, что ты не учелъ этого обстоятельства, — приходится подумать объ этомъ мнѣ, дабы впослѣдствіи намъ не сдѣлаться жертвами необдуманнаго шага.

Прежде всего я должна сказать тебѣ, что я признаю любовь безъ всякихъ оговорокъ, на бракъ смотрю, какъ на таинство нерасторжимое и данное слово въ вѣрности ненарушимымъ даже въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ. Смерть одного не освобождаетъ другого отъ слова вѣрности.

Какъ, видишь, Коля, при такомъ строгомъ отношеніи къ браку намъ надо обоимъ хорошенько провѣрить свои чувства прежде чѣмъ соединить нашу судьбу...

Не сердись на меня, дорогой. Имѣй мужество открытыми глазами заглянуть въ будущее.

Судя по твоему письму изъ К., мнѣ кажется, что день въ Москвѣ былъ подогрѣтъ тобою тихимъ роковымъ колесъ и общей красивой рамкой, принявшей насъ въ свои объятія Москвы.

Все это очень тревожитъ мое сердце, почему я рѣшила поѣхать на годъ на Волгу сестрой милосердія на эпидемію холеры.

Когда ты получишь это письмо специальный поѣздъ будетъ уже нести меня туда, гдѣ мое сердце сразу же принесетъ страждущимъ любовь и облегченіе.

Черезъ годъ все будетъ ясно. Въ данное время въ сумеркахъ невозможно найти правду.

Не сердись на мое бѣдное сердце — съ дѣтства изломанное домашними драмами... Вѣрь, что я тебя люблю по-прежнему.

Крѣпко тебя обнимаю, мой дорогой, любимый и надѣюсь, что за годъ ты сумѣешь разогнать мои сомнѣнія.

Горячо любящая тебя *Кетъ*.

Отправивъ письмо, Кетъ сразу успокоилась. Шатаніе и нерѣшительность — плохіе совѣтники, которые только выматываютъ нервы заинтересованныхъ лицъ, оставляя самый вопросъ въ воздухѣ.

Покончивъ съ письмомъ, Кетъ занялась укладкой нужнаго для поѣздки дамскаго гардероба.

Жизнь — лучшая мельница — она все перемелить и все выяснить, думала она. Правда... пришло ей въ голову... бываетъ, что эта же мельница перемалываетъ и самую жизнь... Но... это вопросъ счастья. Поживемъ... увидимъ...

Утромъ Кетъ явилась къ старшему врачу санитарнаго отряда, который уже грузился въ поѣздъ.

— Что? Вы назначены къ намъ въ отрядъ? — спросила ее старшая сестра, но вы такая еще молодая! Да вы работали когда-нибудь на эпидеміяхъ?

— Нѣтъ? И вамъ не жалко своей молодости?.. — продолжала свой допросъ старшая сестра...

— Мнѣ и жизни не жалко, — отвѣтила Кетъ.

Старшая сестра сразу поняла, что тутъ кроется какая-то личная драма новой сестры и прекратила разспросы. — Съ своей стороны я могу только порадоваться, что у меня будетъ такая молодая и повидимому энергичная помощница. А теперь идите и устраивайтесь. Санитаръ поможетъ вамъ устроить ваши вещи. Во время общаго завтрака въ 12 часовъ познакомимся поближе, и, расцѣловавъ Кетъ, она отпустила ее.

Старшая сестра понравилась Кетъ — она почувствовала ея деликатность и сочувствіе къ ея молодости. Каковъ-то составъ остальнаго персонала? — подумала Кетъ, раскладывая свои вещи въ купе.

За завтракомъ она перезнакомилась съ остальнымъ персоналомъ и осталась довольна.

Врачи, сестры милосердія и даже санитары (изъ студентовъ медиковъ) всѣ пошли на эпидемію по своему желанію — по большей части все это были москвичи. Приняли они Кетъ очень дружелюбно и, вѣроятно, предупрежденные старшей сестрой, ни о чемъ ее не спрашивали.

Кетъ, сначала было стѣсняявшаяся немного — по окончаніи завтрака — уже окончательно вошла въ новую семью и чувствовала себя какъ дома, точно она уже давно сработалась съ ними.

Вернувшись къ себѣ въ купе Кетъ въ первую минуту даже какъ-то забыла о своемъ личномъ горѣ и уставшая отъ усиленныхъ хлопотъ и всякой бѣготни предыдущихъ дней быстро легла и заснула крѣпкимъ подкрепляющимъ сномъ.

Но проснувшись, она прежде всего взяла письмо Коли и перечитала его, но ничего нового и утѣшительнаго въ немъ не нашла.

Въ немъ, какъ и въ другихъ Колиныхъ письмахъ, не было трепета молодой жизни и жгучіе лучи весенняго солнца не оставили на немъ слѣдовъ своего горячаго дыханія.

Кетъ охватило отчаяніе. Вздурораженная мысль ея искала выхода и не находила, а взбаламученное сердце не шло ни на какіе компромиссы. Да и какіе компромиссы возможны въ области чувства, дѣйствующаго всегда наперекоръ разуму, не считаясь съ логикой.

Противъ любви нѣтъ лѣкарства, какъ нѣтъ и оружія которое могло бы въ нужную минуту обезвредить ея послѣдствія нерѣдко сводящія нервныхъ людей преждевременно въ могилу.

Положеніе ея осложнялось еще тѣмъ, что со смертью въ прошломъ году матери у нея не было близкаго человѣка, которому она могла бы открыть свою душу.

Была близкая подруга, но щепетильная и гордая, она и мысли не допускала, чтобы пустить ее въ алтарь храма, гдѣ подъ семью замками находилось ея Святая Святыхъ.

— Подруги?!.. Мало развѣ она слышала злорадныхъ словечекъ отъ нихъ по адресу другихъ ея подругъ?

— Нѣтъ, подальше отъ этого соблазна. Покрѣпче замокъ на свое сердце, дабы даже случайно оно не вздумало излить имъ свою печаль.

Вопросъ деликатный, вопросъ всей жизни ей приходилось рѣшать въ полномъ одиночествѣ, руководствуясь лишь голосомъ своего задѣтаго сердца.

Кетъ положила письмо обратно въ сумочку — присѣла ближе къ окну вагона и занялась наблюденіемъ широкаго російскаго простора.

Тарахтѣли колеса вагона, но... ничего не говорили они ея сердцу. Съ каждымъ поворотомъ этихъ неугомонныхъ стальныхъ коней Кетъ все дальше удалялась отъ К., гдѣ были всѣ ея мысли.

Но... положеніе обязываетъ... Кетъ быстро вошла въ повседневную дорожную жизнь отряда, во всѣ его дѣла и нужды и, пользуясь временемъ, сразу же приступила къ изученію подъ руководствомъ старшей сестры Александры Петровны Поповой правилъ ухода за холерными больными и правилъ предосторожности противъ зараженія персонала, особенную необходимость чего подчеркивалъ главный врачъ отряда.

Эти занятія поглощали все ея время съ утра до вечера и Кетъ невольно должна была отвлечься отъ личныхъ дѣлъ и своихъ тяжелыхъ мыслей, но ея сердечная боль не прошла, но лишь временно ушла въ глубину ея сердца, гдѣ и притаилась.

Смягчились отчасти и рѣзкія тѣни на ея лицѣ, а золотисто-рыжеватые волосы вокругъ ея головки, какъ красивая рамка, еще больше подчеркивали ея юность. Сѣро-голубые глаза смягчились и загорѣлись жизнью.

Красивый обликъ ея и граціозная фигура невольно обращали на нее вниманіе чиновъ отряда, незамѣтно любовавшихся ею.

Тѣмъ временемъ неутоимыя стальные кони быстро мчали поѣздъ, точно спасая его отъ какой-то опасности.

На пятый день равно утромъ поѣздъ подкатилъ къ платформѣ «САМАРА ТОВАРНАЯ».

Для встрѣчи отряда на платформѣ уже собрались представитель мѣстнаго Краснаго Креста, группа сестеръ милосердія съ врачомъ во главѣ и дополнительный штатъ санитаровъ.

Послѣ выгрузки весь персоналъ былъ отправленъ въ приготовленные для него помѣщенія. На другой день въ семь часовъ утра, погрузившись на военныя подводы, отрядъ выступилъ походнымъ порядкомъ къ мѣсту назначенія въ большое село въ 6-ти верстахъ отъ Самары, гдѣ особенно свирѣпствовала эпидемія и вызывала опасенія переноса заразы въ самую Самару.

На мѣстѣ главный врачъ отряда и старшая сестра распредѣлили сестеръ по баракамъ.

Получивъ назначеніе, Кетъ невольно разволновалась, опасаясь, что она будетъ въ очень трудномъ положеніи безъ основательной подготовки къ работѣ въ эпидемическихъ отрядахъ.

Это волненіе замѣтила Александра Петровна.

— Не волнуйтесь, «дорогая дѣточка», мы всѣ уже успѣли полюбить васъ и всѣ поддержимъ васъ. За работой же уляжется и ваше личное горе. Молитесь только Богу — Господь пошлетъ вамъ не только физическія силы, но и полное моральное удовлетвореніе.

СЪ ЕГО помощью по вашимъ молитвамъ все образуется.

— Вы вѣрующая? — спросила она Кетъ.

— О, да, — получила старшая сестра въ отвѣтъ эти два коротенькія, но убѣдительныя слова.

— Тогда вѣрьте, что все будетъ хорошо и вы получите то, о чемъ мечтаете.

— Когда же вамъ будетъ особенно тяжело и тоскливо — безъ всякой церемоніи идите ко мнѣ. Вмѣстѣ посѣтуемъ на судьбу, вмѣстѣ помолимся БОГУ и все будетъ хорошо и ваша тоска сразу же пройдетъ.

— Ну, а теперь да пошлетъ вамъ ГОСПОДЬ успѣха, — сказала Александра Петровна съ ласковой улыбкой и расцѣловала Кетъ.

Эта непривычная для Кетъ ласка сразу какъ-то согрѣла ее и до глубины души тронула ее. Съ рѣсницъ ея скатилась слеза.

— Ну, ну, бодритесь — все будетъ хорошо, моя дѣтка, — сказала Александра Петровна, еще разъ цѣлуя Кетъ. Кетъ отвѣтила ей горячимъ благодарнымъ поцѣлуемъ.

Ну, а теперь, съ БОГОМЪ на работу! — напутствовала Александра Петровна Кетъ.

VII

— Ну, вотъ. Привѣтствую васъ, дорогая сестра, — встрѣтилъ Кетъ этими словами палатный врачъ изъ студентовъ медиковъ еще не сдавшихъ государственнаго экзамена.

— Какъ же прикажете васъ величать? — спросилъ онъ съ ласковой улыбкой.

— Величать? — повторила она съ удивленіемъ... — всѣ меня зовутъ Кетъ. Какъ видите, величаніе короткое, а потому удобное.

— Хорошо. Такъ просто и будемъ величать безъ всякихъ привѣсковъ? — спросилъ палатный врачъ, пожимая ей руку. — А меня зовутъ Иванъ Петровичъ ЧЕБЫШЕВЪ.

— Простота — это уже залогъ успѣха, — добавилъ врачъ видимо довольный назначеніемъ Кетъ къ нему въ палату. Возрастъ остального персонала внушалъ ему нѣкоторыя опасенія за свой престижъ и онъ сразу понималъ, что Кетъ и будетъ его главной помощницей.

— Теперь, Кетъ, идите и познакомьтесь съ остальнымъ персоналомъ, а затѣмъ возвращайтесь сюда и разберите вотъ эту грудку всякихъ медикаментовъ.

Кетъ быстро повернулась и сразу скрылась въ далекомъ концѣ палаты, гдѣ собрались зачѣмъ-то всѣ сестры и фельдшера.

Среди этого персонала она казалась совсѣмъ еще дѣвочкой до того она была юной въ своей сестринской косынкѣ.

— Да сколько же вамъ лѣтъ? — не удержалась отъ вопроса одна изъ сестеръ.

Кетъ, не ожидавшая такого вопроса, невольно покраснѣла и едва слышно отвѣтила:

— Мнѣ уже двадцать лѣтъ.

— Ну, господа, не будемъ допытываться о возрастѣ — молодость это самое лучшее, что дается на землѣ каждому человѣку, лучше обнимемъ и расцѣлуемъ нашу новую сестру... пусть знаетъ, что мы ее уже любимъ.

Кетъ расцѣловалась со всѣми и взволнованная почти бѣгомъ побѣжала къ мѣсту своей работы.

— Вотъ странно, — думала она по дорогѣ, за что онѣ всѣ полюбили меня? А Коля?.. не любить, сама отвѣтила себѣ и тяжело вздохнула.

Черезъ полчаса она размѣстила всѣ медикаменты по мѣстамъ, вызвавъ у всѣхъ удивленіе своимъ хорошимъ знаніемъ классификаціи и своей расторопностью.

— Ну, какъ, Кетъ, ваши первыя впечатлѣнія? — спросилъ докторъ.

— Отличныя... конечно, главные испытанія еще впереди... вотъ ихъ то я и боюсь; что же касается персонала, то онъ принялъ меня болѣе чѣмъ дружески. Уже одно то, что со всѣхъ сторонъ я слышу свое сокращенное имя «Кетъ» радуетъ меня безконечно, какъ доказательство того, что меня уже считаютъ своей.

— Берегите себя отъ зараженія... выполняйте точно знакомыя вамъ наставленія и все будетъ хорошо, а объ остальномъ не беспокойтесь... я буду держать васъ все время подъ моимъ наблюденіемъ, — сказала старшая сестра Александра Петровна Попова, съ любовью погладивъ ее головку.

Всѣ эти знаки вниманія и любви очень волновали Кетъ не привыкшую къ нимъ даже со стороны матери всегда обращавшейся съ дочерью довольно сухо.

Нѣсколько словъ вставилъ и palатный врачъ...

— Помните Кетъ, что пустой желудокъ во время работы, это первый шагъ къ заразѣ. Ну, а теперь завтракать. Послѣ него надо закончить остальную работу... такъ какъ завтра съ утра начнется приемъ больныхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

— Ну, что? Письмишко мнѣ принесли? — спросилъ Коля вошедшаго почтальона.

— Да, изъ Москвы, — отвѣтилъ почтальонъ.

— Это хорошо — я давно жду оттуда вѣсточекъ, — сказалъ Коля, принимая отъ почтальона письмо и вскрывая его.

— Что-то пишетъ мнѣ Кетъ? — подумалъ онъ и на его лицѣ отразилось волненіе, а въ угляхъ губъ даже образовалась глубокая складка.

— Что?!.. — вдругъ крикнулъ онъ. — Уфхала сестрой милосердія на годъ на Волгу для борьбы съ эпидеміей холеры?.. Но, это — безуміе! — чуть не кричалъ онъ, быстро шагая по комнатѣ. Какъ? Яркій, солнечный московскій день — день мечты и надежды промѣнять на холерные бараки?.. И все это сдѣлать, даже не предупредивъ меня?.. Что это? Постепенная подготовка полной ликвидаці даннаго слова? И это — называется любовь?!..

Коля пропелъ въ переднюю и, одѣвая на ходу пальто, вышелъ на улицу, направляясь къ младшей сестрѣ Кетъ, жившей у родныхъ отца, Клавдіи.

— Что съ вами Коля? Чѣмъ вы такъ взволнованы? Чувствую, что у васъ какіе-то нелады съ Кетъ, — спросила Клаша.

— Нелады... если бы только нелады. Дѣло много хуже. Вотъ прочтите ея письмо.

— Да... это дѣйствительно плохо... Но меня это не удивляетъ... Наши родители, занятые своими несогласіями, мало обращали на насъ вниманія и еще меньше жаловали насъ родительской лаской. Мы росли сами по себѣ и всѣ касающіеся насъ вопросы привыкли рѣшать единолично. Подъ вліяніемъ сложившейся обстановки у Кетъ, какъ это ни странно, развилась острая потребность самой излучать любовь къ другимъ.

— Кетъ очень хорошая дѣвушка, готовая сдѣлать все, что въ ея возможности, тѣмъ кто обращается къ ней съ какой-либо просьбой.

— Но... самолюбива она до болѣзненности и это причиняетъ ей массу напрасныхъ страданій.

— Должна вамъ сказать, — добавила Клаша, — она очень васъ любить и вотъ поэтому я очень боюсь за нее сейчасъ. Мало ли что можетъ

прійти ей въ голову, если она усумнётся въ вашемъ чувствѣ къ ней? Тогда она можетъ натворить много непоправимыхъ дѣлъ.

— Мнѣ кажется, что жизнь съ Кетъ будетъ для васъ очень тяжелой. Но, вы сами понимаете — слово дано... и этимъ все сказано...

— Ну, это, конечно... Но что же можно сдѣлать сейчасъ?.. Вотъ вопросъ.

— Пошлите немедленно ей телеграмму съ просьбой о возвращеніи ея въ Москву для поступленія въ консерваторію.

— Мнѣ кажется, ваша телеграмма смягчить ея положеніе, а, можетъ быть, подѣйствуетъ и на ея рѣшеніе.

— Съ своей стороны, если хотите, я тоже могу написать ей нѣсколько словъ, — предложила Клаша.

— Нѣтъ, я думаю, вамъ лучше ничего не писать. Богъ ее знаетъ, какъ она отнесется къ внимательству третьяго лица хотя бы и сестры, — отозвался Коля.

— Да, вы правы, — согласилась Клаша.

— Ну, а теперь до свиданія — я иду на почту послать телеграмму.

— Ну и исторія! дѣло все больше и больше осложняется, — подумалъ Коля, выходя на улицу. Изъ первой почтовой конторы Коля отправилъ Кетъ слѣдующую телеграмму, но въ успѣхъ ея онъ мало вѣрилъ.

Дорогая Кетъ,

Въ память незабвеннаго московскаго дня я умоляю тебя немедленно вернуться въ Москву для поступленія въ консерваторію. Твоя жизнь принадлежитъ не одной тебѣ, но въ какой-то мѣрѣ и мнѣ. Подробности письмомъ.

Любящій Коля.

На другой же день онъ получилъ отвѣтъ на свою телеграмму.

Дорогой, горячо любимый Коля,

Московскій день вспоминаю какъ сказку. Пока моя жизнь принадлежитъ только мнѣ. Письмо жду съ удовольствіемъ. Вернуться не могу, я связана годовымъ контрактомъ. Возвращеніе въ данное время не вышло бы правды. За телеграмму благодарю.

Крѣпко тебя обнимаю и цѣлую

Горячо любящая Кетъ.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму Коля отправилъ Кетъ письмо:

Дорогая Кетъ,

Твоя телеграмма вызвала во мнѣ глубокое волненіе — я все-таки надѣялся, что тяжелыя условія работы сестры милосердія на эпидеміи заставятъ тебя смягчить твое рѣшеніе. Кромѣ того, ты должна понять, что при твоёмъ голосѣ, да еще столь рѣдкомъ контрольтѣ, консерваторія дастъ тебѣ много больше моральнаго удовлетворенія чѣмъ работа сестрой милосердія.

На этомъ поприщѣ тебя ждетъ громадный успѣхъ, слава и поклоненіе толпы, а работа въ холерномъ баракѣ можетъ сулить тебѣ только койку въ этомъ же баракѣ.

Не забудь о своей молодости, которая может раствориться въ тяжелой неволѣ, въ которую ты ее хочешь запречь.

Кромѣ того ты называешься *сестрой милосердія*. Почему же свое милосердіе ты широко расточаешь постороннимъ лицамъ и отказываешь въ немъ, хотя бы въ самой малой дозѣ, человѣку, съ которымъ ты связана съ дѣтскихъ лѣтъ.

Мнѣ думается, что ты прежде всего должна быть милосердной къ тѣмъ, кто знаетъ и любить тебя со временъ дѣтскихъ совмѣстныхъ игръ. Къ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ тобой переживалъ грезы и мечты дѣтской сказки — ибо въ этомъ таится залогъ будущаго счастья.

Помни, что жизнь не игрушка, а тяжелый и трудный путь. Ты должна приложить всѣ старанія, дабы въ лабиринтахъ этого пути не уклониться куда-либо отъ указаннаго тебѣ судьбой направленія. Жизнь — строгій судья и за каждую ошибку впослѣдствіи предъявляетъ трудно оплачиваемые счета.

Подумай хорошенько еще разъ и оставь на время въ сторонѣ всѣ сомнительные вопросы. Помни только, что блестящая рампа украсить тебя еще больше и расширить твои возможности жить по велѣнію твоего сердца.

Забудь на время обо мнѣ — я пишу тебѣ сейчасъ оставляя личный эгоизмъ внѣ обсужденія — я хочу лично тебѣ счастья и удачи въ жизни, почему горячо советую тебѣ — лови дары, кои жизнь предоставляетъ тебѣ сейчасъ, дабы не выпрашивать ихъ впослѣдствіи самой.

Итакъ... блестящая рампа или холерный баракъ? Неужели жизненный инстинктъ не укажетъ тебѣ правильное рѣшеніе.

Неужели ты спрячешь за занавѣсомъ неизвѣстности данный тебѣ Господомъ талантъ? Талантъ который унесетъ тебя и твоихъ слушателей на недостижимыя духовныя высоты, которыя сами по себѣ наполняютъ твое сердце трепетомъ счастья и радостью бытія.

Что же ты можешь въ холерномъ баракѣ противопоставить этому яркому сіяющему торжеству твоего духа?

Больничную койку, стоны, слезы и безконечную моральную и физическую усталость. Удрученное состояніе духа безъ минутнаго подъема.

Я не понимаю, что именно вызываетъ у тебя недовѣріе ко мнѣ и какую правду ты ищешь?

Я вполне согласенъ съ твоимъ правомъ отложить день свадьбы, — объ этомъ я не спорю, а всецѣло подчиняюсь твоему рѣшенію. Но все-таки для такого рѣшенія должны быть серьезные основанія, которыхъ у тебя нѣтъ.

Ты знаешь, что я люблю тебя съ дѣтства, чего же ты хочешь еще отъ меня?

Какой любви ищешь ты? На землѣ можетъ быть только земная любовь. Любовь и разумъ — вотъ фундаментъ земной, т. е. моей любви къ тебѣ. Не забудь, что любовь въ романахъ зиждится всегда на выдуманныхъ фактахъ, обычно не бывающихъ въ жизни.

Ты дала мнѣ согласіе на бракъ — съ этого момента ты не можешь

распоряжаться своей жизнью без моего согласія. Съ твоей поѣздкой на эпидемію я совершенно не согласенъ — эта работа чрезвычайно опасная...

Подумай немного обо мнѣ и оставь мнѣ хотя бы самую маленькую частичку твоего милосердія.

Не ищи счастья въ страданіяхъ — этимъ счастьемъ ГОСПОДЬ удостоиваетъ только СВЯТЫХЪ.

Если ты хочешь счастья, то бери то, что жизнь даетъ тебѣ щедрой рукой.

Будь же благоразумна и самъ ГОСПОДЬ благословитъ тебя.

ВЕРНИСЬ. ВЕРНИСЬ СКОРѢЕ — безъ раздумья.

Жду скорого благопріятнаго отвѣта.

Твоя жизнь частично принадлежитъ и мнѣ.

Любящій тебя Коля.

II

Перечитавъ два раза свое письмо, Коля довольно улыбнулся. На этотъ разъ письмо удалось ему. Въ немъ было все, что могло затронуть сердце и тщеславіе Кетъ, которой, по его мнѣнію, больше ничего не оставалось, какъ только скорѣе вернуться въ К.

Прошло не мало дней, пока наконецъ пришелъ отвѣтъ отъ нея. Письмо съ отвѣтомъ видимо прошло черезъ дезинфекціонную камеру, чѣмъ и было вызвано его запозданіе.

«Дорогой, любимый Коля», писала Кетъ своимъ твердымъ характернымъ почеркомъ. «Сердечно благодарю тебя за твое милое письмо, за твои заботы обо мнѣ, за блестящую оцѣнку, пока никѣмъ еще не признанныхъ и только тобою обнаруженныхъ, моихъ талантовъ.

Должна все-таки признаться, что ты своимъ письмомъ доставилъ мнѣ нѣсколько радостныхъ, волнующихъ минутъ...

Конечно, я отлично понимала, что письмо твое было черезчуръ въ приподнятомъ тонѣ, конечно я понимала, что ты этимъ письмомъ хотѣлъ вернуть меня въ К., но... вѣдь, все это писалъ ты и мнѣ это было дорого.

Теперь... довольно позвѣи --- я перехожу къ дѣлу.

Театральные подмостки могутъ легко найти вмѣсто меня замѣстительницу, которая и сумѣетъ возбудить въ слушателяхъ тѣ чувства, о которыхъ ты пишешь.

Но... найти въ данное время сестру милосердія, да еще для работы въ холерномъ барацѣ, много труднѣе.

Рабочихъ рукъ здѣсь вообще не хватаетъ и мой уходъ ослабитъ еще больше дѣятельность отряда. Надо имѣть въ виду, что больные прибываютъ цѣлыми группами и очень многіе изъ нихъ, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго ухода, вызваннаго нехваткой персонала, переходятъ преждевременно въ иной далекій міръ.

Тяжело это видѣть и сознавать свою безпомощность.

Посуди самъ, какъ же я могу бросить этихъ несчастныхъ страдальцевъ и персоналъ отряда такъ дружески принявшій меня?

«Возлюби ближняго своего какъ самого себя» — первая заповѣдь Христа.

Я — вѣрующая, православная христіанка и русская — поэтому въ такую тяжелую годину я обязана что-нибудь принести на Алтарь моей вѣры и родины. Этого же требуетъ и мое сердце.

Если ты вѣришь въ Бога, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то поймешь меня самъ и отвѣтъ на свое письмо найдешь въ нѣдрахъ твоего сердца и души.

Я надѣюсь, что къ веснѣ эпидемія кончится и тогда будемъ говорить съ тобой о нашихъ личныхъ дѣлахъ.

Можетъ быть, къ тому времени и незабвенный московскій день утратить свою призрачность и дорогимъ реальнымъ факторомъ войдетъ въ нашу жизнь, но... это дѣло счастья. Его надо заслужить.

Послѣднія слова письма повергли Колю въ уныніе.

— Да... за рамкой моихъ красивыхъ словъ и фразъ она продолжаетъ искать правды, — своей правды, которой я не могу ей дать.

Но почему все-таки она не хочетъ принять моего предложенія? Развѣ нельзя создать красивую семейную жизнь безъ пылкой любви? — спросилъ онъ самъ себя и тяжело задумался.

Получивъ Колино письмо, Кетъ подъ первымъ впечатлѣніемъ отъ его заботъ немного расцвѣла, лицо ея озарилось радостью, но перечитавъ письмо нѣсколько разъ, она инстинктомъ почувствовала, что по окончаніи эпидеміи, ея мечта, которую она такъ желала, разсѣется какъ дымъ.

Лицо ея сразу потемнѣло, а взоръ потухъ.

На что я надѣюсь? — спрашивала она себя. На чудо? На дружбу? Но эта дружба и является той ледяной ванной, которой я такъ боюсь и избегаю, подумала она, выходя изъ столовой, гдѣ читала письмо.

Несмотря на переставляя ноги шла она по коридору къ себѣ въ комнату.

— Что за пахмурки? Что случилось? А, ну, пожалуйста, къ отвѣту! — громко окликнула ее Александра Петровна, вышедшая зачѣмъ-то изъ своей комнаты, одновременно принимая Кетъ въ свои объятія.

— Почему тучи на личикѣ и слезы въ глазахъ? Почему не пришли ко мнѣ вмѣсто слезъ? Нехорошее письмо?

Кетъ невольно расплакалась отъ этой дружеской ласки и тяжесть на сердцѣ немного отошла — она протянула своей «мамѣ» Колино письмо. Александра Петровна прочла его очень внимательно два раза.

— Но почему же слезы? — спросила она затѣмъ Кетъ. — Въ письмѣ нѣтъ ничего страшнаго. Наоборотъ... оно полно заботъ о васъ. Во многомъ я исполнѣ согласна съ вашимъ Колей. Нечего вамъ сидѣть здѣсь.

Все на землѣ идетъ отъ ТВОРЦА — отъ Него же идетъ и счастье, — сказала Александра Петровна, возвращая Кетъ письмо.

— А что такое настоящее счастье? Это не пылкій чуть не горячечный бредъ любви... Нѣтъ... Подлинное счастье это — тихо и ровно жур-

чащій ручеекъ спокойной, уравновѣшенной семейной жизни — плачь и шумъ ребятъ. Вотъ это... подлинное счастье.

Пылкія изліянія быстро проходятъ, тонуть въ пропасти жизненныхъ заботъ, а журчащій ручеекъ будетъ соединять васъ обоихъ до конца жизни.

Конечно, Коля правъ... Здѣсь въ холерномъ баракѣ вы сможете похоронить свою жизнь, въ брызги обратить журчащій ручеекъ и утопить всѣ радости своей юности.

Не стройте себѣ никакихъ страховъ — послушайте меня. Бросьте работу здѣсь и торонитесь поскорѣе превратить въ жизнь Московскую сказку, какъ вы называете проведенный вами день въ Москвѣ...

Контрактъ это — пустяки — я все устрою. Мы всѣ любимъ васъ, дѣточка, и никто васъ не осудитъ. Вы блестяще работали — и никто не можетъ васъ упрекнуть, что вы оставили эту работу. Мы всѣ будемъ слѣдить за вами и молиться о вашемъ молодомъ счастьѣ.

Ну, довольно разговоровъ, идемъ къ Главному врачу и все сразу устроимъ.

Подумайте только, какую радость вы доставите Колѣ, когда неожиданно появитесь у его мамы.

— Нѣтъ, дорогая моя мама, я не брошу работы здѣсь до конца эпидеміи, — отозвалась Кетъ.

— Ахъ, такъ... Хорошо, я сама напишу вашему Колѣ, а что именно не скажу — вотъ и будете мучиться вдвойнѣ.

Вы сами называли меня мамой. Миѣ это очень пріятно, но права матери накладываютъ и обязанности, которыми я и воспользуюсь теперь.

А пока, дорогая, вытрите ваши глазки и улыбнитесь. Пусть свѣтлый лучъ скользнетъ по вашему личику.

Кетъ улыбнулась и расцѣловала «маму».

— Ну, вотъ, такъ лучше, — сказала Александра Петровна. — А теперь идите помогите вашему врачу — онъ, кажется, страдаетъ той же болѣзью, что и вы, но только его положеніе совершенно безнадежное.

— Что такое съ нимъ? — встрепенулась Кетъ. — Онъ боленъ? — спросила она.

— Да, боленъ и притомъ безнадежно, — отвѣтила Александра Петровна, — но вы ни о чемъ его не спрашивайте, а то онъ можетъ еще обидѣться, добавила она.

Вечеромъ Александра Петровна написала Колѣ:

Глубокоуважаемый Николай Петровичъ.

Я Старшая сестра милосердія въ холерномъ эпидемическомъ отрядѣ, въ которомъ работаетъ и ваша прелестная невѣста Кетъ.

Всѣ персоналъ и больные горячо полюбили ее и заслужили ея довѣріе. Всѣ мы скоро поняли, что частыя слезы падаютъ изъ ея красивыхъ глазъ повидимому послѣ каждой получки ею вашихъ писемъ.

Такъ ли это? Почему? Какъ мы объясняемъ себѣ — вѣроятно, ваши письма слишкомъ сухи для ея юнаго сердца.

Я полюбила вашу Кетъ какъ дочь и она даже называетъ меня «мамой».

Спросить ее о причинѣ ея слезъ мы, конечно, не можемъ, опасаясь затронуть больныя струны ея сердца.

Но я очень люблю вашу Кетъ и безъ боли въ сердцѣ не могу видѣть ея слезъ, почему рискую написать вамъ это письмо о ея переживаніяхъ. Какая бы причина для ея слезъ ни была, но до безконечности натягивать ея сердечныя струны нельзя — надо давать имъ хотя бы по временамъ отдыхъ. Но это можете сдѣлать только вы. Мы своимъ вмѣшательствомъ можемъ лишь осложнить этотъ вопросъ.

Вникните хорошенько въ то, что она дѣйствительно «любитъ ближняго какъ самое себя», что и проявляетъ въ своей опасной жертвенной работѣ.

У нея нѣтъ ничего показного. Въ тоже время я знаю, что она горячо, всѣмъ сердцемъ любитъ васъ. ГОСПОДЬ въ ея лицѣ послалъ вамъ огромное счастье.

Возблагодарите БОГА --- поберегите Кетъ и ГОСПОДЬ воздастъ вамъ сторицей.

Уважающая васъ Старшая сестра А. П. Попова.

III

Рѣшивъ окончательно не покидать отряда до конца эпидеміи Кетъ взяла себя въ руки и послѣ долгихъ усилій овладѣла своей волей.

Со страстью и неукротимымъ порывомъ отдалась она тяжелой и опасной работѣ, совершенно забывъ о личной жизни.

Ночи и дни проводила она въ палатѣ больныхъ — вмѣстѣ съ ними молилась ТВОРЦУ, вымаливая имъ жизнь, слушала стоны, подбадривала навшихъ духомъ, по мѣрѣ возможности облегчала страждущихъ. Писала письма неграмотнымъ, закрывала глаза ушедшимъ, роняя на прахъ послѣднихъ вмѣсто цвѣтовъ свои чистыя слезы.

Несмотря на перегруженность работой Кетъ никогда не отказывалась принять больныхъ, которые просились къ ней, если администрація удовлетворяла ихъ просьбу.

Никакое утомленіе не стогяло съ ея лица сіяющей улыбки, успокаивающе дѣйствовавшей на больныхъ.

— «Сестрица помоги!» — надрывно неслись къ ней вопли изъ разныхъ угловъ палаты и Кетъ бѣжала на эти призывы, шуткой подбадривая больныхъ.

Широкой рукой помогала она деньгами роднымъ больныхъ, оставшихся въ затруднительномъ положеніи за утратой работника.

Весь персоналъ поражался ея неутомимости, ея сердечному отноше-

нію къ больнымъ и все больше и больше проникался къ ней дружеской любовью и уваженіемъ.

Кетъ не жила, а горѣла и вечеромъ, измученная работой, какъ снопъ валилась на свою койку, но въ шесть часовъ утра она бодрая, веселая была уже на своемъ посту.

Личное ея горе постепенно растворялось въ чужихъ страданіяхъ. Только день въ Москвѣ, подарившій ей столько радости, иногда еще вставалъ въ ея памяти, неожиданно выплывая откуда-то изъ тайниковъ ея души. Но онъ уже не тревожилъ ея душевнаго покоя, не вызывалъ больныхъ вопросовъ и сомнѣній. Подобно осеннимъ цвѣтамъ онъ привлекалъ еще вниманіе своими яркими красками, но не дурманилъ голову своимъ ароматомъ. Радовалъ взоръ, но не затрагивалъ сердечныхъ струнъ.

Кетъ благословляла судьбу, пославшую ей эту работу и начала надѣяться, что будущая встрѣча съ Колей уже не сулитъ ей новыхъ мукъ и страданій.

Такъ ей казалось — такъ она хотѣла.

Меньше стала она обращать вниманія и на предупредительныя мѣры противъ заразы.

Какъ-то очень утомившись съ вечера работой, она проспала и утромъ, чтобы попасть во время на свой постъ она отправилась въ палату безъ кофе и легкой закуски, которую обыкновенно выдавали всему персоналу до начала работы.

Докторъ ЧЕБЫШЕВЪ замѣтивъ ея опозданіе, спросилъ:

— Кетъ, а вы пили кофе?

— Нѣтъ, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Я вамъ уже говорилъ, что голодный желудокъ, это — первый шагъ къ заразѣ. Пойдите сейчасъ же въ столовую, а я позвоню дежурной сестрѣ, дабы вамъ выдали двойную порцію завтрака.

— Мнѣ не хочется, — отвѣтила Кетъ. —

— Вамъ не хочется? значить, вы больны? — это еще хуже. Я васъ очень прошу, пойдите и позавтракайте хорошенько, а мы пока справимся безъ васъ съ помощью фельдшера.

Послѣ завтрака Кетъ вернулась въ палату какъ обычно бодрая и веселая.

— Я васъ очень прошу, Кетъ, слѣдовать всѣмъ правиламъ предосторожности, — встрѣтилъ ее этими словами докторъ Чебышевъ.

Кетъ покраснѣла и молча принялась за работу.

Дабы окончательно изжить всякую возможность повторенія минувшаго, въ перепискѣ съ Колей она поддерживала усвоенный имъ дружескій тонъ, тщательно обходя острые вопросы.

Постепенно Кетъ приучала себя къ мысли, что ея бракъ съ Колей самъ собою разойдется при молчаливомъ согласіи на это обѣихъ сторонъ.

Напряженная дума исчезла съ ея лица. Улыбка вновь озарила ея лицо, зажгла глаза, согрѣла взглядъ.

Александра Петровна, тотчасъ же замѣтившая перемѣну въ настроеніи Кетъ, приписала это болѣе нѣжнымъ письмамъ Коли.

Въ дѣйствительности Кетъ получала отъ Коли все такіе же письма полныя заботъ о ней, но по прежнему безъ всякаго аромата.

Изъ ея отвѣтовъ онъ заключилъ, что Кетъ примирилась съ создавшимся положеніемъ и надѣялся, что вопросъ о бракѣ окончательно рѣшится ею въ положительномъ смыслѣ.

Сослуживцы, полюбившіе Кетъ, радовались за нее, видя какъ она оттаиваетъ, какъ темныя тѣни на ея лицѣ растворяются въ сіяніи улыбки. Но душа ея и ея переживанія были крѣпко заперты для всѣхъ.

Кетъ все больше входила въ жизнь отряда — все дальше уходила отъ прошлаго.

Такъ прошла зима — эпидемія постепенно замедляла свое побѣдное шествіе. Больные появлялись рѣже и наконецъ къ ПАСХѢ притокъ ихъ прекратился совсѣмъ.

Среди персонала начались разговоры о возможности скорого возвращенія отряда въ Москву. По вечерамъ вмѣсто стонувъ и слезъ въ столовой часто слышались звуки гитары и сочное контральто будило уснувшія было радости и надежды. То Кетъ своимъ пѣніемъ вызывала эти весеннія настроенія, унося слушателей далеко отъ этихъ мѣстъ страданій и смерти въ область любви и жизни.

Александра Петровна была въ восторгѣ, рѣшивъ, что Кетъ окончательно изжила минувшія сомнѣнія.

Кетъ пѣловала свою маму болѣзненно улыбалась, точно затаивъ въ себѣ какой-то секретъ.

Кетъ, вы не можете мнѣ подарить нѣсколько минутъ вашего вниманія? — спросилъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Иванъ Петровичъ Чебышевъ.

— Ну, конечно — если хотите, мы можемъ поговорить здѣсь въ столовой. Всѣ уже разошлись и мы никому не помѣшаемъ, — отвѣтила Кетъ, съ удивленіемъ смотря на Чебышева. — Вотъ сядемъ здѣсь въ уголокъ и поболтаемъ. — сказала она улыбаясь и указывая на два стула около маленькаго столика, гдѣ обычно сидѣли Главный Врачъ и Старшая сестра милосердія.

— Что такое онъ собирается сказать мнѣ? Что за секреты? — подумала Кетъ. — Странно!..

Между тѣмъ ЧЕБЫШЕВЪ, занявъ мѣсто противъ Кетъ, какъ-то нерѣшительно потиралъ руки и въ волненіи даже перемѣнилъ мѣсто, сѣвъ спиной къ свѣту...

Слова не шли у него съ языка и застрѣвали гдѣ-то въ глубинѣ горла, сдавливая послѣднее и прерывая дыханіе.

Ну, что же, Иванъ Петровичъ? Я надѣюсь, вы хотите мнѣ сообщить что-нибудь радостное изъ вашей личной жизни. Вѣдь за время нашей совместной работы мы подружились и поэтому вполне понятно, если у каждаго изъ насъ явится желаніе подѣлиться другъ съ другомъ своею радостью. — сказала Кетъ, стараясь въ тоже время понять нерѣшительность своего собесѣдника.

— Да... Конечно... Я съ вами совершенно согласенъ, но, несмотря на наши дружескія отношенія, я все-таки какъ-то не рѣшаюсь сразу высказать вамъ, то, что лежитъ у меня на душѣ, боясь васъ обидѣть.

Кетъ сдѣлала большіе глаза и удивленно посмотрѣла на него.

— Вы можете меня обидѣть? За время нашей работы такого случая не было. А теперь вдругъ обидѣть меня. Нѣтъ, въ это я не могу никакъ повѣрить — потому говорите скорѣе, а то я заболѣю отъ любопытства. Вѣдь, я женщина, а женщины всѣ любопытны, — сказала Кетъ, стараясь шуткой подтолкнуть своего собесѣдника.

— Видите ли, Кетъ... — протяжно произнесъ ЧЕБЫШЕВЪ. — За время нашей совместной работы я такъ привыкъ къ вамъ, что никакъ не могу себѣ представить, что наступитъ день, когда я буду вновь одинъ.

У Кетъ сразу захватило духъ... Она поняла, что сейчасъ онъ скажетъ ей слова любви, которыхъ она такъ тщетно ждала отъ другого человѣка. Слова, которые не принесутъ ей радости, а только взбаламутятъ ея успокоившееся сердце.

Она поняла, что ей придется причинить боль этому человѣку, ставшему ей другомъ за время опасной работы, всегда оберегавшему ее отъ разазы.

На мигъ она вспыхнула, а затѣмъ поблѣднѣла...

— Я васъ слушаю... — произнесла она тихо съ сожалѣніемъ, смотря въ глаза ЧЕБЫШЕВА.

— Да, — подумала она... — мы оба «жертвы любви».

— Кетъ, я васъ люблю и прошу вашей руки, — выпалилъ однимъ духомъ ЧЕБЫШЕВЪ и смолкъ.

Нѣсколько секундъ жуткаго молчанія, которое ему показались цѣлой вѣчностью.

Наконецъ она заговорила...

— Дорогой Иванъ Петровичъ, — вы позволите мнѣ такъ называть васъ, — тяжелая, опасная работа насъ соединила. Изъ глубины моего сердца я благодарю васъ за ваши слова, которыя тронули и сильно взволновали меня. Я благодарю васъ не только за эти слова, но и за чувство, которое читаю въ вашихъ глазахъ.

Если бы отвѣтъ зависѣлъ только отъ меня, то я сказала бы вамъ «Да». Но на пути къ этому «Да» стоитъ огромное препятствіе, о чемъ, я думаю, вы можете сами догадаться.

Къ моему глубокому сожаленію я могу вамъ отвѣтить только: «Мое сердце занято».

— Простите меня, ради БОГА, мнѣ тяжело говорить вамъ это, но я не имѣю права сказать вамъ неправду. «Мы оба съ вами — жертвы любви». «Мы оба съ вами — загадка для тѣхъ, кто самъ никогда не любилъ».

Кетъ встала...

— Дайте мнѣ вашу руку, — сказала она, — я хочу крѣпко, дружески пожать ее. Не обижайтесь на меня, я вѣрю въ вашу любовь ко мнѣ и скорблю, что не могу отвѣтить вамъ тѣмъ же.

Чебышевъ взялъ протянутую ему ручку, молча поцѣловалъ ее и Кетъ почувствовала какъ на ея руку скатилась горячая слеза.

— Кетъ, дайте мнѣ слово поддерживать со мною переписку. Кто знаетъ, что принесетъ намъ жизнь. Вдругъ счастье улыбнется мнѣ когда-нибудь. Я буду терпѣливо его ждать. Не забудьте пригласить меня на вашу свадьбу, — попросилъ онъ.

— Да, конечно, если эта свадьба состоится, — отвѣтила она и взоръ ея потухъ.

— А теперь идемъ. Моя «мама», вѣроятно, волнуется, что я такъ долго задержалась.

Но Александра Петровна впередъ предвидѣла о чемъ будетъ говорить Чебышевъ съ Кетъ и какой отвѣтъ его ждать.

Она съ сожалѣніемъ взглянула на понурую голову Чебышева и ничего не спросила Кетъ, встрѣтивъ ихъ обонхъ въ коридорѣ.

IV

Подошелъ май. Весна одѣла все въ красивыя зеленыя одежды, украсивъ ихъ яркими цвѣтами, аромать которыхъ дошелъ даже до столовой, угрюмо стоявшихъ пустынныхъ холерныхъ бараковъ, напоминавшихъ своимъ видомъ о минувшихъ страданіяхъ и о жертвенной работѣ на пользу страждущаго ближняго.

Въ одинъ изъ такихъ чудныхъ весеннихъ дней весь персоналъ по приказанію Главнаго Врача въ десять часовъ утра собрался на воздухъ около столовой.

Всѣ сразу поняли... Конецъ работъ... Отъѣздъ въ Москву. Это предположеніе вызвало у всѣхъ различное отношеніе. Большинство обрадовалось возможности вернуться къ привычной работѣ, къ нормальной жизни и отдохнуть отъ тяжелой и опасной работы, къ счастью унесшей въ могилу только одну жертву — сестру милосердія Кудрявцеву.

Часть персонала наоборотъ, втянувшись въ общую работу, печалились, что они опять обречены на одиночество...

Чебышевъ ходилъ мрачный — онъ хотѣлъ бы продолжать работу въ отрядѣ до безконечности.

Александра Петровна, привыкшая къ работѣ сестры милосердія въ различныхъ условіяхъ, была довольна. Весело улыбалась, шутила и всячески подбадривала Кетъ, замѣтивъ въ ней признаки волненія.

Кетъ со страхомъ приняла это возможное распоряженіе. Сомнѣніе мучило ее — дѣйствительно ли прошлое улеглось окончательно и представляетъ собою лишь одинъ изъ эпизодовъ ея юности. — А вдругъ, — думала она, — мнѣ вновь придется переживать всѣ прошлыя сомнѣнія! Вдругъ одинъ видъ Коли разбудить во мнѣ прежнее чувство и прежніе страданія.

Кетъ хотѣла было ничего не сообщать Колѣ о своемъ возвращеніи, а прямо изъ Москвы проѣхать къ своему отцу въ М.

Но Александра Петровна все время незамѣтно слѣдила за ея настроеніемъ и за тѣнью вновь появившейся на ея лицѣ.

— Дорогая моя дѣтка, — сказала она ей за утреннимъ кофе, — сейчасъ мы узнаемъ отъ Главнаго Врача, когда закрывается нашъ отрядъ и нашу дальнѣйшую судьбу.

Выйдя къ собравшимся Главный Врачъ объявилъ, что все имущество должно быть сдано мѣстному Красному Кресту, а персоналъ, по сдачѣ имущества, отправляется по мѣсту постоянного жительства, т. е. для большинства въ Москву.

Объявивъ это распоряженіе, онъ сдѣлалъ нужныя указанія какъ сдавать имущество и когда начать.

Получивъ эти свѣдѣнія Александра Петровна обратилась къ Кетъ:

— Я надѣюсь, дорогая Кетъ, что вы, конечно, не откажетесь въ Москвѣ остановиться у меня дня на два, на три. Я не допускаю мысли, — добавила она, — чтобы моя дочь покинула меня просто на вокзалѣ, на порогѣ ея новой жизни. Надѣюсь я также, дорогая Кетъ, что вы познакомите меня съ Колей, дабы дать мнѣ возможность узнать въ чьи руки я ввѣрю жизнь своей дочери.

Да? Вы общаете это мнѣ?

— Ну, конечно, мама... Вы такъ много проявили обо мнѣ заботы и любви за этотъ годъ, что я не имѣю даже моральнаго права отказывать вамъ въ чемъ-либо, — отозвалась Кетъ и горячо поцѣловала Александру Петровну.

Этотъ отвѣтъ успокоилъ Александру Петровну — она надѣялась, что за три дня пребыванія у нея Кетъ, она найдетъ возможность повліять на нее въ пользу Коли, дабы разрубить стоящій между ними Гордіевъ узелъ.

На другой день съ утра началась сдача всего имущества мѣстному Красному Кресту. Вечеромъ за ужиномъ раздались голоса, что нельзя же такъ разойтись, не сказавъ другъ другу даже спасибо за общую работу.

Послѣ этого съ согласія Главнаго Врача было рѣшено устроить на другой день прощальный ужинъ, какъ заключительный аккордъ ихъ годовой совместной работы.

За прощальнымъ ужиномъ собрался весь медицинскій и хозяйственный персоналъ отряда. Настроеніе у всѣхъ было подавленное. Никому не хотѣлось развѣзаться.

Когда всѣ размѣстились за столомъ Главный Врачъ Петръ Николаевичъ БЫСТРОВЪ взялъ слово.

— Господа! Въ послѣдній разъ мы собрались здѣсь для дружеской бесѣды. Вспомнить пройденный нами тяжелый путь опасной работы, сказать другъ другу «спасибо» за взаимную помощь.

Но прежде всего я хочу минутой молчанія почтить память ушедшей отъ насъ въ другой міръ сестры милосердія Ольги Петровны Кудравцевой, своею жизнью заплатившей за помощь ближнимъ.

«Нѣтъ большей жертвы, аше кто жизнь свою отдастъ за други своя».

«Да будетъ ей вѣчная память».

Всѣ встали и перекрестились.

— Мнѣ извѣстно, — продолжалъ говорить Главный Врачъ, — что многіе изъ персонала неохотно уѣзжаютъ къ себѣ домой. Это доказываетъ, что даже въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни — всегда имѣется какая-то частица счастья.

Это счастье въ данномъ случаѣ — сознаніе честно исполненнаго долга передъ страждущими и передъ родиной.

Я благодарю всѣхъ васъ за это проявленіе добраго сердца и за оказанную мнѣ помощь. Не легко было выдержать тяжесть опасной работы среди стоновъ и слезъ страждущихъ — особенно же тяжелая часть работы выпала на долю нашей старшей сестры Александры Петровны, на которой, помимо медицинскихъ обязанностей лежала еще забота о женскомъ персоналѣ отряда, для чего нужно было имѣть чуткое сердце, и она эти заботы выполнила съ чуткостью матери.

Мнѣ хочется особенно подчеркнуть блестящую, безупречную жертвенную работу нашего самого молодого сочлена, полностью отдавашаго страждущимъ свое сердце, свою юность и всѣ перывы своей души.

Все это будетъ упомянуто въ ея аттестатѣ.

Я не буду называть имени этого сочлена такъ какъ думаю, что вы и сами его знаете.

Кетъ густо покраснѣла при этихъ словахъ, явно относившихся къ ней и опустила глаза на столъ, смущенная такой блестящей оцѣнкой ея работы.

Теперь, господа, прошу принять отъ меня сердечное русское «спасибо» за Вашу помощь и желаю всѣмъ вамъ всякаго успѣха въ вашей дальнѣйшей жизни.

Я поднимаю этотъ бокалъ за здоровье нашей неутомимой старшей сестры Александры Петровны и за всѣхъ васъ!

Крики «Ура» и чоканье стакановъ завершили этотъ тостъ.

— Я хочу еще сказать вамъ нѣсколько заключительныхъ словъ, — добавилъ Главный Врачъ.

По прибытіи въ Москву я буду назначенъ Главнымъ Врачемъ Госпиталя Краснаго Креста. Старшей сестрой, по моей просьбѣ, будетъ назначена Александра Петровна.

Если кто-либо изъ васъ захочетъ продолжать работу со мной, то прошу подать мнѣ теперь же заявленія объ этомъ и я приложу всѣ старанія, дабы эти заявленія были удовлетворены.

Съ этими словами Докторъ сѣлъ на свое мѣсто.

Поднялась Александра Петровна.

— Друзья, — начала она свое слово, — я увѣрена въ томъ, что вы всѣ вмѣстѣ со мной принесете нашему дорогому Петру Николаевичу самую горячую признательность за сердечное отношеніе и заботы о персоналѣ отряда и за блестящее руководство работой послѣдняго, благодаря чему за все время эпидеміи мы потеряли только одного нашего сочлена

сестру Кудрявцеву. По размаху же эпидемии, без должного руководства, жертв могло оказаться много больше.

Попросимъ же Петра Николаевича принять отъ насъ на память, составленный знакомымъ мнѣ художникомъ, этотъ адресъ за подписью всѣхъ членовъ отряда и громко крикнемъ ему наше сердечное горячее «Ура».

Началось общее чоканье, не обошедшееся безъ катастрофы въ видѣ разбитыхъ стакановъ.

Когда всѣ ушли на свои мѣста, Александра Петровна вновь взяла слово. Дорогие друзья, мнѣ хочется сказать вамъ еще нѣсколько словъ въ добавокъ къ сказанному нашимъ дорогимъ Петромъ Николаевичемъ.

Въ числѣ нашего персонала есть юное существо, которое я полюбила какъ дочь и которая даже называетъ меня мамой...

При этихъ словахъ Кетъ смущенно покраснѣла и подумала «опять обо мнѣ и за какія заслуги они такъ много склоняютъ мое имя?»

— Дабы скрѣпить мои отношенія съ этой названной дочерью я хочу прежде всего ея разрѣшенія называть ее на «ты».

— Вы позволите, Кетъ?

— Ну, конечно, мама, — отвѣтила она, вновь смущенная общимъ вниманіемъ.

— Теперь, моя дорогая дочь, я хочу тебѣ сказать изреченіе одного мудреца жившаго двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ.

«И при затворенныхъ дверяхъ и при погашенныхъ свѣтильникахъ помни, что ты не одна, что съ тобою БОГЪ» и другое Апостола Павла «Терпѣніемъ спасай душу свою».

Это я говорю тебѣ для руководства — когда у тебя будетъ тяжело на душѣ, не плачь, не горюй, а молись Богу и все пройдетъ, сказала Александра Петровна, цѣлуя Кетъ.

— За здоровье «мамы» и Кетъ! «Ура»! крикнулъ докторъ ЧЕБЫШЕВЪ и взволнованно поцѣловалъ руки у нихъ обѣихъ.

Тутъ поднялся невообразимый шумъ и крики — сразу чувствовалось, что Кетъ была общей любимицей — она не успѣвала отвѣчать на поцѣлуи сестеръ и на дружескія пожатія рукъ мужского персонала.

Въ концѣ-концовъ нервы Кетъ не выдержали — она расплакалась. Съ трудомъ овладѣвъ собою она сказала:

— Дорогие мои друзья, въ эти незабвенныя минуты, когда подводятся итоги моей работы, мнѣ хотѣлось бы очень много сказать вамъ, но мои нервы не выдержали и я слишкомъ взволнована для этого.

Я безконечно признательна всему персоналу за доброе отношеніе ко мнѣ. Я особенно благодарю мою «маму» за всѣ ея заботы обо мнѣ.

Я прошу разрѣшенія въ лицѣ нашего Главнаго Врача обнять и расцѣловать всѣхъ васъ.

Съ этими словами Кетъ подошла къ Петру Николаевичу, обняла его и трижды поцѣловала его подъ общіе крики «Ура».

Поздно засидѣлся персоналъ отряда въ столовой въ этотъ послѣдній день. Солнце уже украсило верхушки деревьевъ золотыми коронами,

когда всё разошлись, дабы послѣ краткаго отдыха приступить къ подготовкѣ имущества отряда къ сдачѣ.

Эта предстоящая работа не вызывала ни у кого особаго энтузіазма. Душа, уже ушла изъ отряда, превративъ его въ простой складъ имущества и въ группу людей думающихъ о Москвѣ, о встрѣчѣ съ родными и пытающихся заглянуть въ будущее.

Утромъ Кетъ, по настоянію Александры Петровны, послала Колѣ телеграмму въ К. съ просьбой встрѣтить ее въ Москвѣ, точно указавъ время прихода поѣзда.

Все это Кетъ дѣлала неохотно, но не могла отказать своей мамѣ въ ея просьбѣ.

Сдача имущества шла быстро и черезъ нѣсколько дней половина работы была закончена, какъ вдругъ разразилось событіе переполошившее весь составъ отряда.

Придя въ семь часовъ утра въ палату докторъ Чебышевъ не засталъ тамъ Кетъ. Обстоятельство это сразу взволновало его. Кетъ всегда была аккуратной и въ шесть часовъ утра всегда была уже на своемъ мѣстѣ.

Обезпокоенный этимъ онъ нашелъ Александру Петровну и высказалъ свои опасенія — ужь не больна ли Кетъ.

Оба они сейчасъ же отправились въ комнату Кетъ.

— Что съ тобою, дорогая? Ты больна или просто устала? — спросила Александра Петровна.

Кетъ была въ полубезсознательномъ состояніи. Лицо ея пылало, руки горѣли.

На вопросы «мамы» она едва слышно отвѣтила:

— Мама — вотъ я и заболѣла. Всѣ уѣдутъ безъ меня и я останусь одна въ мѣстномъ госпиталѣ. Какъ это ужасно.

— Успокойся, одна ты не останешься — если весь отрядъ уѣдетъ, то твоя «мама», будь увѣрена, останется съ тобой и будетъ сама ухаживать за тобой, да и докторъ Чебышевъ навѣрное тоже останется.

Словомъ объ этомъ беспокоиться нечего — прежде всего надо опредѣлить, чѣмъ ты больна.

— Навѣрное холерой заразилась, — отозвалась изъ забытья Кетъ.

— Ну, это совсѣмъ не навѣрное. Лежите спокойно и ни о чемъ не беспокойтесь — это мы будемъ беспокоиться о васъ, — сказалъ докторъ Чебышевъ.

Взволнованный пришелъ Главный Врачъ.

— Ну, что какъ больная?

Сестра рассказала ему признаки болѣзни — онъ тщательно осмотрѣлъ больную выслушалъ ея еле слышныя описанія своихъ ощущеній.

— Заболѣваніе, конечно, серьезное, но это не холера. Докторъ Чебышевъ, займитесь въ лабораторіи анализами и результаты сообщите немедленно мнѣ.

— Расформированіе отряда я откладываю до выздоровленія Кетъ — желающіе могутъ уѣхать хоть сегодня, но весь персоналъ остается.

Желающихъ уѣхать не нашлось. Вмѣстѣ работали, вмѣстѣ поѣдемъ

домой. Такое же несчастье могло случиться съ каждымъ. Не можемъ мы своихъ больныхъ бросать на произволъ сдубы. Распоряженіе Главнаго Врача вызвало всеобщее одобреніе.

На лицѣ Кетъ выразился восторгъ, когда она узнала о распоряженіи Главнаго Врача.

Ислѣдованія выяснили, что Кетъ заболѣла мѣстной какой-то лихорадкой въ острой формѣ.

Около ея кровати было установлено постоянное дежурство сестеръ милосердія, Александра Петровна днемъ и ночью не отходила отъ нея. Докторъ Чебышевъ всѣ свои наблюденія докладывалъ Главному Врачу, который дважды въ день навѣдывался къ больной. Отличный уходъ и новые медикаменты сдѣлали свое дѣло. Черезъ двѣ недѣли Кетъ уже сидѣла по два часа въ день въ креслѣ на воздухѣ.

Въ дальнѣйшемъ выздоровленіе пошло быстрыми шагами. Прошла еще недѣля и Кетъ была уже на ногахъ, только легкая блѣдность лица напоминала о перенесенной ею тяжелой болѣзни.

Немедленно вновь была начата сдача имущества, по окончаніи которой персоналъ переѣхалъ въ Самару и оттуда на другой день въ полномъ составѣ пассажирскимъ поѣздомъ направился въ Москву.

Вновь затарахтѣли колеса, разматывая длинную ленту желѣзной дороги.

Съ тяжелымъ грохотомъ крутились колеса, шумнымъ рокотомъ выражая свое возмущеніе людьми, по ихъ мнѣнію гоняющихъ ихъ безтолку взадъ и впередъ по Россійскимъ просторамъ.

Но никто не обращалъ на нихъ вниманія и только Кетъ ихъ рокотъ напоминалъ поѣздку въ Москву годъ тому назадъ и возстановливалъ въ ея памяти видѣнія незабвеннаго прошлаго.

Пользуясь случаемъ, Александра Петровна усиленно стучалась въ сердце Кетъ, стараясь утвердить въ ней мысль о необходимости теперь же назначить время свадьбы.

— Довольно, моя дорогая, мучить и себя и Колю. Вѣдь можно подумать, что онъ въ чемъ-то виноватъ передъ тобою, но изъ писемъ видно, что онъ полонъ заботъ о тебѣ, а, слѣдовательно, и любви.

— Нѣтъ, онъ виноватъ въ томъ, что дѣлая мнѣ предложеніе и затѣмъ въ Москвѣ, онъ не сказалъ, что можетъ предложить мнѣ не настоящую любовь, а лишь суррогатъ ея — любовь дружескую.

Это, конечно, не преступленіе съ его стороны, но я то, «мама», люблю его настоящей любовью — которая только и можетъ дать настоящее счастье. На суррогатѣ мудрено, по-моему, основывать таинство брака.

— Дружеской любовью мы можемъ продолжать любить другъ друга и безъ брака, не обманывая ни БОГА, ни людей, ни самихъ себя.

Вѣдь безъ настоящей любви я буду только хозяйкой его дома, а не спутницей Коли до смерти.

— Своими разсужденіями, моя дорогая, ты только осложняешь совершенно простой вопросъ, — сказала Александра Петровна.

— Скажи: Ты любишь Колю? Да, люблю.

Онъ любить тебя? Да, но...

— Не надо «но». Это словечко ничего не стоитъ и не къ мѣсту. Онъ тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ?

— Нѣтъ.

— Онъ сдѣлалъ тебѣ формальное предложеніе?

— Да, и неоднократно подтвердилъ его.

— Мать его согласна на этотъ бракъ?

— Не только согласна, но она уже давно зоветъ меня своей дочерью.

— Отецъ твой согласенъ на вашъ бракъ?

— Отецъ мало интересуется жизнью моей и моей сестры, — думаю, что онъ будетъ очень радъ, если я выйду замужъ за Колю.

— Я не понимаю тебя, Кетъ. Не существуетъ ни одного «нѣтъ» и все-таки ты говоришь «нѣтъ». Зачѣмъ? Во имя чего ты осложняешь и свою и его жизнь? Почему ты любовь измѣряешь какимъ-то термометромъ? А что если на какомъ-то ухабѣ термометръ твой сломается? Тогда что? Вѣдь, случайная поломка термометра можетъ сломать ваши жизни. Подумай надъ этимъ хорошенько, моя любимая дѣтка.

— Ахъ, никто и ты, «мама», не хотите понять меня. Неужели это такъ трудно? Какъ я могу связать дѣтскую дружескую любовь съ настоящей любовью? Какъ изъ этихъ двухъ, другъ друга исключаящихъ, положеній, создать единое цѣлое — таинство брака?

— Оставь, Кетъ, не мудри. Я познакомлюсь съ твоимъ Колей и тогда на основаніи личнаго впечатлѣнія выскажу свое окончательное мнѣніе.

— Я тебя люблю, какъ дочь, — также любить тебя и мать Коли. Неужели совѣты двухъ матерей для тебя стоятъ меньше, чѣмъ разговоры о какой-то дѣтской дружбѣ?

Прочти еще разъ его письма — вѣдь они полны заботъ о тебѣ. А забота и является выраженіемъ любви. Скажи же мнѣ наконецъ, что же тебя удерживаетъ отъ брака съ Колей?

— Я уже сказала, что дѣтская дружеская любовь для меня неприемлема.

— Почему же ты тогда отказала ЧЕБЫШЕВУ, который любить тебя настоящей любовью?

— Потому что я отношусь къ нему только дружески и настоящей любви къ нему у меня нѣтъ.

— Я тебѣ, Кетъ, еще разъ напоминаю, «журчащій ручеекъ семейной жизни надежнѣе бурнаго потока горячечнаго бреда любви».

— Знаешь, Кетъ, у меня даже голова разболѣлась отъ этихъ склоненій слова «любовь», — закончила разговоръ Александра Петровна.

— А все-таки поцѣлуй меня, мама, — вѣдь я совершенно одна.

— Это невѣрно — у тебя двѣ любящихъ матери и Коля, но ты никого не хочешь слушать.

Будь же благоразумна, дѣтка. Не испытывай терпѣнія Коли изъ-за

твоихъ, можетъ быть и основательныхъ, но далекихъ отъ реальной жизни мечтаній.

Данное обѣщаніе мамѣ остановиться въ Москвѣ у нея и познакомиться съ Колей, Кетъ не устраивало. Она боялась, что постоянное присутствіе Коли около нея вновь воскресить ея горячее чувство къ нему и вновь начнутся ея сомнѣнія и душевныя муки. Она хотѣла изъ Москвы проѣхать къ отцу въ М., но теперь почувствовала, что до поѣздки къ отцу она должна прежде всего проѣхать въ К. къ матери Коли, которую она очень любила.

Не заѣхать было бы оскорбленіемъ для любящаго человѣка. Но въ К. вмѣстѣ съ ней, конечно, поѣдетъ и Коля и тамъ вновь воскреснуть всѣ вопросы, которые она считала законченными.

Тѣмъ временемъ все больше и больше тарахтѣли вагонныя колеса, торопясь скорѣе добраться до Москвы и тамъ хорошенько отдохнуть отъ всегда чѣмъ-то недовольныхъ людей.

— Что-то будетъ? — со страхомъ спрашивала себя Кетъ, прислушиваясь къ рокоту колесъ.

Но вотъ и Москва... Кетъ и Александра Петровна прильнули къ вагоннымъ окнамъ.

— Гдѣ же твой Коля? — спросила мама.

— Да вотъ онъ стоитъ съ букетомъ бѣлыхъ розъ со своими двумя братьями. Кетъ вздрогнула.

— Люблю, люблю больше жизни, — шепнула она на ухо мамѣ.

— Да, онъ красивый... Представительный мальчикъ, съ удивленіемъ сказала мама. — И ты его мучаешь? Образуемся пока не поздно, — сказала она, ласково обнимая и цѣлуя Кетъ. Ну, я надѣюсь, все будетъ хорошо. Смори, какъ онъ ищетъ тебя глазами по всѣмъ вагонамъ.

Онъ уже идетъ сюда въ вагонъ. Мама ушла въ другое купѣ, не желая мѣшать встрѣчѣ ихъ.

— Ну, Слава Богу, наконецъ-то дождался, — крикнулъ Коля, войдя въ вагонъ, принимая Кетъ въ свои объятія и крѣпко ее цѣлуя. На лицѣ его отражалась радость. — А это тебѣ за плохое поведеніе, — сказалъ онъ, передавая ей букетъ бѣлыхъ розъ.

— А это кому? — ревниво спросила она, увидѣвъ въ рукахъ одного изъ братьевъ, другой букетъ.

— Это? Это твоей мамѣ за ея заботы о тебѣ и за то, что привезла тебя живой и невредимой.

— Но гдѣ же она?

— Я здѣсь, — отозвалась Александра Петровна, выходя изъ со-сѣдняго купѣ.

— Ну, вотъ, «мама», позволь представить тебѣ того самого Колю, который тебѣ хорошо извѣстенъ по его письмамъ.

— Очень рада познакомиться съ вами Николай Петровичъ. Ваша Кетъ — очаровательная дѣвушка и я надѣюсь, что мы сумѣемъ удержать ее отъ новыхъ авантюръ подъ своимъ неослабнымъ надзоромъ. Теперь я

знаю, кому передаю свою дочь. — И... протянул Коля. — И очень довольна ея выборомъ. Вы мнѣ внушаете довѣріе — благодарю васъ за цвѣты и надѣюсь, что они въ данную минуту являются символомъ вашей новой жизни.

— Ты слышишь, Кетъ? — спросилъ ее Коля. Но въ эту минуту оба брата Коли набросились на Кетъ и, принявъ е въ свои объятія, начали ее цѣловать и поздравлять съ благополучнымъ прибытіемъ.

Кетъ восторженнымъ взглядомъ смотрѣла на Колю, но по лицу ея нѣтъ-нѣтъ пробѣгала кака-то тѣнь, одновременно со слезами радости. Двойственное чувство раздирало ея душу. Злополучное письмо Коли помимо ея воли вставало въ ея памяти и отравляло радость встрѣчи.

— Куда же мы ѣдемъ? — спросилъ Коля громко. — Ко мнѣ, во мнѣ, — отозвалась Александра Петровна.

Носильщики вынесли вещи и три ваньки дружно тронули своихъ рысаковъ.

Кетъ сѣла съ Колей и тѣнь на ея лицѣ замѣтилъ и онъ. Что съ тобой? — спросилъ онъ.

— Вспомнила твое письмо.

— Опять письмо?! Пора бы забыть о немъ и порадовать меня ласковымъ словомъ — вѣдь я ни одной ночи не спалъ спокойно, беспокоясь о томъ, что тамъ дѣлалось въ холерномъ баракѣ.

— Въ холерномъ баракѣ со мной ничего не дѣлалось, а вотъ когда отрядъ долженъ былъ выѣхать уже въ Москву, то я опасно заболѣла. Изъ-за меня Главный Врачъ, не желая оставлять меня въ чужомъ госпиталѣ одну, задержалъ расформированіе отряда до моего выздоровленія. Это «мама» выходила меня и можетъ быть даже спасла отъ смерти. Я была очень серьезно больна.

— Какая твоя мама хорошая! Почему же ты не телеграфировала мнѣ? — я пріѣхалъ бы въ Самару.

— Ты помочь мнѣ все равно не могъ и только напрасно беспокоился бы.

Коля крѣпче обнялъ Кетъ за талію, точно боясь, какъ бы она не улетучилась вновь.

— Я надѣюсь, — спросилъ онъ, — ты поѣдешь въ К. къ моей мамѣ?

— Да, я очень люблю твою маму и конечно поѣду къ ней, хотя и боюсь, что она сильно пожуритъ меня.

— Мама все время спрашиваетъ меня, когда наша свадьба, а я не знаю даже, что ей отвѣтить на этотъ вопросъ. Это обстоятельство волнуетъ и ее и меня. Мама думаетъ, что это я откладываю свадьбу.

— Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, я проѣду къ отцу въ М. — отозвалась Кетъ.

— Ты хочешь его благословенія? — спросилъ Коля. — Но, вѣдь, ты хорошо знаешь, что онъ, какъ обычно, приметъ тебя сухо и врядъ ли захочетъ заняться интересующими тебя вопросами.

Зачѣмъ же будоражить напрасно свои нервы? — добавилъ онъ.

Ну, вотъ и Мясницкая. Извозчики остановились около подъѣзда.

— Завтра къ часу я прошу васъ всѣхъ ко мнѣ на обѣдъ, а Кетъ останется у меня сейчасъ, — сказала Александра Петровна, обращаясь ко всѣмъ братьямъ.

V

На другой день Александра Петровна устроила у себя парадный обѣдъ.

Кетъ въ свою очередь помогала ей и столовую превратила въ оранжерею. На красиво сервированномъ столѣ въ вазахъ стояли огромные Колины букеты бѣлыхъ розъ. Кетъ прикупила еще розъ и украсила ими всѣ уголки столовой и гостиной.

Видъ столовой напоминалъ о готовящемся большомъ событіи, что подтверждалось особенно тѣмъ, что въ кухнѣ во льду было приготовлено шампанское.

— Почему такое торжество? — спросила Кетъ, подозрительно взглянувъ на маму.

— Для торжества здѣсь не хватаетъ одного человѣка — Колиной мамы — я не сообразила своевременно пригласить ее, но это случилось вслѣдствіе отсутствія у меня личнаго впечатлѣнія о твоёмъ Колѣ. Теперь я его знаю — онъ достоинъ твоей любви, я безъ опасенія согласна вручить ему тебя, но пригласить его маму уже поздно.

Александра Петровна обняла Кетъ и расцѣловала ее.

— Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не состоится вашъ бракъ. Твой женихъ достойный человѣкъ — ты сама мучаешь себя. Онъ — интересный мужчина, несомнѣнно любить тебя, иначе не сталъ бы заботиться о тебѣ. Ты любишь его — я не понимаю тебя — ты сама гонишь отъ себя свое счастье и счастье не плохое.

Не мудри, моя дѣтка. Счастье, какъ птица выпустишь — не поймашь.

Кетъ едва не расплакалась отъ этихъ разговоровъ.

— Ну... Ну... безъ пахмурокъ, — сказала мама. — Сегодня ты должна быть не только интересной, но веселой, радостной, очаровательной дѣвушкой, — добавила она.

— Помни, сегодня мы будемъ праздновать день твоей встрѣчи съ Колей — это день веселія, день радости. Я очень жалѣю, что онъ не будетъ днемъ начала твоей новой жизни. Жаль, что здѣсь не будетъ твоей второй мамы, — можетъ быть, при ней дѣла сложились бы болѣе удачно для разрѣшенія этого большого вопроса.

Вытри скорѣе глазки... сейчасъ уже вѣроятно пріѣдутъ наши дорогие гости, которые не должны даже заподозрить о пролитыхъ нами слезахъ.

Кетъ ушла въ свою комнату, освѣжила лицо холодной водой, надушилась, приколола розу къ своей темно-зеленой кофточкѣ и вышла въ столовую.

Мама ахнула:

— Да ты красавица! — съ восторгомъ сказала она. — И ты сомнѣваешься въ любви Коли? Плохого же ты мнѣнія о самой себѣ.

— Ахъ! Мама. Мама. Я такъ люблю Колю, но...

— Что за «но» такое опять?

— Но... его письмо. Это ужасное письмо, — сказала Кетъ и лицо ея нахмурилось.

— Не надо слезъ и пахмурокъ. Слышишь звонокъ? — это Коля. Ну, улыбнись скорѣе.

Кетъ преодолѣла свое волненіе и вышла въ переднюю.

— Здравствуй, Коля, — сказала она цѣлуя его въ щеку, а затѣмъ цѣлуясь съ братьями.

Коля передалъ ей букетъ палевыхъ розъ.

— Благодарю, но ты посмотри, что приготовила мама для вашей встрѣчи. У насъ цѣлая оранжерея цвѣтовъ.

— Подожди, а гдѣ же ваши цвѣты? — спросилъ онъ братьевъ. Въ рукахъ мамы оказались сразу еще два букета очень красивыхъ красныхъ розъ.

— Примите это какъ выраженіе нашей горячей благодарности за ваши заботы о нашей дорогой Кетъ, — сказалъ старшій изъ братьевъ Владиміръ.

— Сердечно благодарю васъ за вниманіе, но... всѣ мои заботы о Кетъ исходили изъ моей любви къ ней, — сказала Александра Петровна и пригласила всѣхъ въ столовую.

— Да... — протянулъ Коля. — Здѣсь дѣйствительно чудный цвѣтникъ. — Дорогая Александра Петровна, вы позволите намъ всѣмъ называть васъ также «мамой»? — спросилъ Коля.

— Да, я очень рада сразу приобрести цѣлую семью, и я надѣюсь... хотѣла она что-то добавить, — но... увидѣвъ умеляющій взглядъ Кетъ, она не окончила фразы.

— Ты посмотри, Коля, какое чудное сочетаніе красокъ... — сказала Кетъ, указывая на стоящія на столѣ розы.

— Да, но все-таки гамма цвѣтовъ не полная не хватаетъ золотисто-рыжеватаго цвѣта, — отвѣтилъ Коля и поцѣловалъ ея ручку.

Кетъ покраснѣла отъ комплимента, но промолчала.

— Прошу занять ваши мѣста и не очень критиковать мою кулинарію, — сказала Александра Петровна. — Кетъ, распорядись, пожалуйста, размѣщеніемъ гостей за столомъ — на тарелкахъ положены карточки, — добавила она.

— Коля, твое мѣсто вотъ здѣсь около хозяйки...

— Постой, постой — тутъ недоразумѣніе... Да нѣтъ, ты ошиблась, Кетъ... посмотри. Около меня карточка Володи, а Коля рядомъ съ тобой.

Незамѣтно Александра Петровна погрозила пальцемъ Кетъ — та весело улыбнулась — ея шутка не удалась.

Послѣ бульона съ кулебякой Александра Петровна обратилась къ гостямъ съ привѣтствіемъ.

— Мои дорогіе дѣти! — начала она свое слово. — Я хочу, чтобы сегодняшній день прошелъ особенно весело и чтобы онъ надолго остался въ нашей памяти какъ день примирившій, казалось бы непримиримыя положенія. Я говорю «казалось бы непримиримыя», такъ какъ считаю, что вообще при доброй волѣ ничего непримиримаго на свѣтѣ не существуетъ.

Сегодняшній день я считаю днемъ радости, днемъ беззаботнаго веселія. Почему? Какое событіе придаетъ этому дню такое значеніе? — спросите вы.

Событіе очень важное — это встрѣча моей любимой дочери Кетъ съ ея самымъ дорогимъ другомъ дѣтства Колей.

Не отнеситесь критически къ названію сегодняшнего дня «днемъ веселія, днемъ радости» — вѣдь авантюра Кетъ, уѣхавшей на холерную эпидемію могла закончиться для нея трагически.

Это счастье, что Кетъ избѣгла холерной койки. Въ особенности опасность крылась въ ея самоотверженной работѣ почти безъ отдыха. Переутомленіе опасная предпосылка при работѣ на эпидеміи. Но... Господь сберегъ Кетъ отъ этой печальной участи. И забота и любовь моей мамы, — вставила Кетъ.

Очевидно ТВОРИЦУ было угодно дать ей возможность дожидаться того счастья, о которомъ она мечтала и которого она болѣе чѣмъ достойна.

Въ чемъ заключается ея счастье? вы, конечно, знаете и безъ меня, а потому я не буду говорить вамъ о немъ. Я просто передаю право и обязанность позаботиться объ этомъ счастьѣ тѣмъ лицамъ, которыя лично въ этомъ заинтересованы.

Я поднимаю этотъ бокалъ вина за Кетъ и за тѣхъ, кто любитъ ее. Кетъ взволнованная вскочила и расцѣловала «Маму», шепнувъ ей на ухо: «спасибо за деликатность».

Всѣ чокнулись съ Кетъ, а Коля поцѣловалъ ея ручку.

— Теперь, мои дорогіе, я хочу сообщить вамъ послѣднюю новость. Кетъ и я рѣшили, что в К. къ матери Коли мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Цѣль этого путешествія съ моей стороны, прежде всего, желаніе познакомиться съ моей соперницей въ родственныхъ чувствахъ, а во-вторыхъ, желаніе обсудить съ мамой Коли возможности возвращенія Кетъ изъ міра грезъ и мечты въ реальный міръ.

— Дорогая мама, ты несправедлива. Развѣ холерный баракъ это не реальный міръ? Развѣ это — сфера мечты и сказокъ? Но ты, мама, видѣла сама, что я тамъ жила не мечтами, а самой реальной, тяжелой и опасной трудовой жизнью.

Почему же теперь мнѣ нужно возвращаться въ какой-то реальный міръ? Мое счастье не въ мечтахъ — оно болѣе чѣмъ реально. Мое счастье земное, но различные факты мѣшаютъ его осуществленію, — сказала взволнованно Кетъ.

— Коля, я хочу поблагодарить нашу общую дорогую маму Александру Петровну за все, что она сдѣлала для меня во время этой работы въ эпидемическомъ отрядѣ, за то, что она не бросила меня больную одну

въ Самарѣ и за то, что она и до сихъ поръ не оставляетъ своихъ заботъ обо мнѣ.

— Помни, дорогая мама — въ своихъ молитвахъ я всегда вспоминаю тебя и всѣхъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ въ эпидемическомъ отрядѣ — въ этомъ аду, гдѣ царствовали страданія и смерть. Работа въ немъ дала временный отдыхъ моей измученной душѣ.

— За здоровье нашей мамы! — крикнулъ Коля и всѣ бросились цѣловать ее. Александра Петровна видимо была очень тронута выраженіемъ ей такой общей благодарности.

Но вотъ изъ гостинной донесли звуки волнующаго вѣнскаго вальса.

Всѣ бросились туда — за піанино сидѣла двоюродная сестра хозяйки.

Волшебные звуки заставили всѣхъ забыть на время свои сомнѣнія, возрастъ и холерные бараки. Забыты были и градусы любви. Три кавалера и двѣ дамы бездумно отдались настроенію момента.

Коля не выпускалъ изъ своихъ объятій Кетъ и на лицѣ послѣдней было написано счастье.

— Эти танцы мама вѣроятно нарочно подготовила, — думала Кетъ и по временамъ по ея лицу пробѣгала тѣнь. Какъ я была бы счастлива, если бы не было этого письма, вспоминала она моментами.

Импровизированный балъ закончился поздно вечеромъ, такъ какъ было еще ужинъ со всякими пожеланіями и только во второмъ часу ночи гости наконецъ отправились по домамъ.

— Ну, почему, Кетъ, — съ укоризной сказала Александра Петровна, — ты не согласилась сегоднешній день сдѣлать настоящимъ праздникомъ для всѣхъ насъ? Почему ты не дала мнѣ возможности сегодня объявить о вашемъ бракѣ? Почему?

— Дорогая «мама», я знаю, что ты всей душой расположена ко мнѣ. Я знаю, что причиняю тебѣ настоящее горе, но пойми меня, наконецъ, вѣдь, Коля любить меня только дѣтской дружеской любовью — вѣдь, послѣ брака эта его любовь можетъ разсыпаться, что тогда?..

Въ качествѣ кого я буду у него въ домѣ? Въ качествѣ только хозяйки? Но, вѣдь, онъ можетъ, дѣйствительно, полюбить какую-нибудь другую дѣвушку или даму и тогда...

— Безъ настоящей любви съ его стороны бракъ съ нимъ не принесетъ мнѣ счастья.

— Я, дорогая мама, все сказала тебѣ и надѣюсь, что теперь ты поймешь меня.

— Да, я поняла твои опасенія, но все это безпочвенные страхи за будущее, а кто можетъ знать свое будущее? — отозвалась Александра Петровна, цѣлуя Кетъ.

VI

Черезъ нѣсколько дней Кетъ, Александра Петровна и Коля выѣхали въ К. На вокзалѣ ихъ встрѣтила мать Коли, Зинаида Александровна.

Послѣ завтрака мать Коли пригласила всѣхъ перейти въ гостинную

со старинными диванами и пуфами, описанными мною въ началѣ этой повѣсти.

— Прежде всего, дорогая Александра Петровна, я благодарю васъ за ваше рѣшеніе пріѣхать ко мнѣ и за всѣ безконечныя заботы и любовь къ моей капризной дѣвчкѣ. До глубины души я была тронута когда узнала, что вы не оставили Кетъ одну больную въ Самарѣ. Словомъ за все, что вы сдѣлали для нея, какъ настоящая мать.

Безъ вашихъ заботъ авантюра Кетъ могла бы кончиться плохо, но къ счастью все сошло благополучно, почему я предлагаю на время забыть это тяжелое прошлое и заняться настоящимъ — моей дорогой Кетъ.

А тобой, Кетъ, я очень недовольна — уѣхала, никого не предупредивъ, на холерную эпидемію, а, заболѣвъ, ничего не написала. Знай я о твоей болѣзни, я, конечно, вмѣстѣ съ Колей пріѣхала бы въ Самару. Очень нехорошо ты поступила и, если бы я такъ не любила тебя, горячо, то, будь увѣрена, я сильно наказала бы тебя.

Кетъ улыбнулась, притулилась къ матери Коли и сказала:

— Дорогая мамочка, развѣ ты можешь меня наказать? Ты такъ много баловала меня въ дѣтствѣ и въ свое время создала мнѣ дѣтскую сказку, которую и до сихъ поръ я вспоминаю съ радостью. Какое же наказание ты можешь придумать для меня?

Коля всталъ и вышелъ въ садъ.

— Ты еще очень молода и не знаешь жизни. Я читала письмо Коли къ тебѣ и его содержаніе мнѣ понравилось, понравилось оно и Александрѣ Петровнѣ, которая была твоей матерью въ тяжелое время эпидеміи. Ей ты обязана, можетъ быть, даже своей жизнью.

Ты болѣе чѣмъ счастливая — у тебя двѣ матери одинаково горячо тебя любящія, но ты не хочешь считаться съ ихъ мнѣніемъ — ты хочешь жить своимъ умомъ. Но у тебя нѣтъ знанія жизни и потому ты изъ какихъ-то подсчетовъ показаній термометра любви дѣлаешь неправильные выводы.

Александра Петровна и я считаемъ, что отъ письма Коли къ тебѣ вѣдетъ искренностью, въ немъ нѣтъ фальши. Въ немъ нѣтъ огня — это вѣрно, но зато отъ него вѣдетъ тепло и уютъ хорошей семейной жизни безъ слезъ, безъ сердечныхъ огорченій.

«Истина есть то, что есть, а не то, что рисуетъ намъ наше воображеніе», такъ сказалъ одинъ изъ мудрецовъ.

Повѣрь мнѣ, что въ этой истинѣ ты найдешь полное счастье и осчастливишь другого человѣка.

Лови же это счастье — не бѣгай отъ него. Бѣгаютъ только люди слабовольные, — люди нерѣшительные, въ послѣдствіи раскисающіеся въ своемъ бѣгствѣ. Помни, что убѣгая отъ посланнаго тебѣ БОГОМЪ счастья, ты сама обрекаешь себя на напрасныя мученія и позднія сожалѣнія.

— Ты вѣришь мнѣ, что я люблю тебя, какъ дочь? — спросила Зинаида Александровна.

— Вѣрю, вѣрю, — отвѣтила Кетъ горячо и крѣпко обняла мать Коли.

— Можешь ли ты допустить, чтобы я уговаривала свою дочь выйти замужъ за человѣка, который впоследствии могъ бы сдѣлаться источникомъ ея несчастья?

— Нѣтъ, этого я не допускаю, дорогая мамочка, но понимаешь, — добавила она со страданіемъ на лицѣ, — Колино первое письмо изъ К. — это не письмо, а одинъ ужасъ.

— Кетъ, забудь объ этомъ. Вспомни лучше, какое чудное письмо онъ прислалъ тебѣ въ Самару съ мольбой вернуться. Сколько въ немъ было заботы о тебѣ. Вспомни съ какой радостью Коля встрѣтилъ тебя въ Москвѣ. Вѣдь это была встрѣча двухъ любящихъ другъ друга лицъ.

Вспомни, что ты мнѣ шепнула на ухо. «Люблю, люблю больше жизни». Но если ты любишь его больше жизни, то почему же ты не хочешь вѣрить ему свою жизнь? — вступила въ разговоръ Александра Петровна.

— Почему же ты не хочешь повѣрить двумъ любящимъ тебя горячо матерямъ? — спросила мать Коли. Я сначала думала, что это Коля почему-то откладываетъ день свадьбы, и я побранила его за это.

Онъ ничего не возразилъ, а только слушалъ меня и по его лицу видно было, что ему тяжело было слушать мои незаслуженные упреки, — сказала Зинаида Александровна. Забудь это злосчастное письмо, дѣтка. Скорѣе пазначь день свадьбы.

Пойдетъ дѣтвора и маленькіе безпричинно плаксивые шалуны наполнять твою жизнь подлиннымъ счастьемъ — счастьемъ материнства.

— Мы объ твои матери горячо просимъ тебя объ этомъ.

Кетъ расплакалась.

— Прежде всего я хочу проѣхать къ отцу посоветоваться съ нимъ. Онъ — мужчина, и, можетъ быть, пойметъ меня и поддержитъ меня, — сказала Кетъ сквозь слезы.

— Твой отецъ только больше разстроитъ тебя. Мы ясно видимъ въ чемъ твое счастье и просимъ тебя къ отцу не ѣздить. Отецъ твой человѣкъ сухой — он просто не пойметъ тебя.

Ну, дорогуся, что же мнѣ сказать отъ твоего имени Колѣ? Пожалѣй его — онъ очень страдаетъ.

А его письмо? Попроси его подождать до моего возвращенія отъ отца.

VII

Отецъ Кетъ былъ человѣкъ отъ природы очень сухой, много старше своей жены (матери Кетъ).

Разница въ возрастѣ порождала между ними массу различныхъ несовмѣстимыхъ привычекъ и настроеній.

Къ Кетъ съ показной стороны онъ относился хорошо, т. е. не отказывалъ ей въ нарядахъ, въ деньгахъ, когда она въ нихъ нуждалась.

Но на этомъ и кончались всѣ его заботы о ней. Душевными ея настроеніями онъ не интересовался. Какими интересами она живетъ, какъ

говорится, чѣмъ она дышетъ, онъ даже и не пытался узнать, хотя бы только въ общихъ чертахъ.

Никакихъ сердечныхъ привязанностей у него не было. Помимо службы онъ бывалъ только въ мѣстномъ городскомъ клубѣ, но личныхъ знакомствъ ни съ кѣмъ не заводилъ.

— А, Кетъ, здравствуй! — поцѣловалъ онъ ее въ лобъ. Этими холодными словами встрѣтилъ онъ пріѣхавшую дочь. — Ну, что пріѣхала отдохнуть здѣсь отъ городскихъ дрягъ?

— Нѣтъ, папа, я пріѣхала не для отдыха — я хочу подѣлиться и посоветоваться съ тобой по личному дѣлу.

— Какое же это дѣло?

— Сердечное.

— Ну, это, знаешь, совсѣмъ не по моей части. Копаться въ женскомъ сердцѣ дѣло трудное... — протянулъ онъ.

— Но въ чемъ же дѣло?

Кетъ подробно изложила ему свои сомнѣнія, начиная съ дѣтской сказки до возвращенія съ эпидеміи. Прочла письма Коли.

— Знаешь, Кетъ, я совсѣмъ ничего не понимаю. Почему ты тянешь этотъ совершенно ясный вопросъ. Видимо твой Коля человѣкъ хорошій, серьезный. Человѣкъ, который не хочетъ говорить тебѣ неправды — человѣкъ порядочный — честный. Онъ тебя обидѣлъ чемъ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Онъ сдѣлалъ тебѣ официальное предложеніе?

— Да.

— Его мать согласна на вашъ бракъ?

— Да, она давно считаетъ меня своей дочерью.

— Почему же ты затягиваешь свадьбу? — я положительно не могу этого понять.

Кетъ ничего не отвѣтила — она поняла, что отецъ никакого совѣта ей не дастъ и ничѣмъ не поддержитъ ее.

— Я могу посоветовать тебѣ только одно — бери жизнь ту, что даетъ тебѣ ТВОРЕЦЪ, — сказалъ ей отецъ.

— И, вотъ, когда ты создашь свою собственную жизнь, тогда невольно выявишь свою душу и отбросишь всѣ ненужные вопросы. Тогда ты сама поймешь, что напрасно теряла время на поиски какого-то счастья въ то время, какъ это счастье было уже въ твоихъ рукахъ. Вотъ все, что я могу тебѣ посоветовать.

Больше Кетъ съ отцомъ не говорила, переживая всѣ свои сомнѣнія одна, руководствуясь лишь своимъ сердцемъ. Но все-таки она рѣшила задержаться на нѣсколько дней у отца.

Обезпеченный ея задержкой Коля поѣхалъ въ М. ее навѣстить и попробовать уговорить ее вернуться въ К. къ его матери или въ Москву къ Александрѣ Петровнѣ.

Пробываніе ея у сухого отца его очень беспокоило.

Кетъ съ радостью встрѣтила его, видно было, что эта неожиданная

радость встрѣчи была для нея огромнымъ утѣшеніемъ, но на другой день она встала грустная и сказала:

— Коля дорогой, я тебя очень люблю, но твое присутствіе около меня немедленно вознаавливаетъ въ моей памяти твое ужасное письмо.

— Забудь его, дорогая Кетъ, назначь день свадьбы и ты увидишь, какъ сразу твое настроеніе улучшится. А дальше бракъ поглотитъ всѣ сомнѣнія, но сейчасъ я тебя умоляю немедленно вмѣстѣ со мной уѣхать отсюда. Ты напрасно надѣялась на моральную поддержку отца — онъ чересчуръ сухой человѣкъ для этого.

Поѣдемъ, дорогая, сегодня же къ мамѣ въ К., а дальше будетъ видно.

— Пойми, Коля, что я горячо люблю тебя, но каждая встрѣча съ тобой только усиливаетъ мои сомнѣнія и муки. Поѣзжай лучше ты въ К. къ мамѣ и скажи ей, что я вернусь, какъ только немного уляжется мое моральное состояніе.

Поѣзжай, дорогой, послушай меня.

Пойми, что это не капризъ съ моей стороны — оттягиваніе свадьбы. Я тебѣ писала, что я не хочу быть только хозяйкой въ твоемъ домѣ — я хочу дѣлить съ тобой любовь и всѣ радости и горести жизни, которыя могутъ выпасть на нашу долю, но все это радостно лишь тогда, когда это дѣлается во имя взаимной любви, но съ твоей стороны этой любви нѣтъ, этой сказки, которую я пережила въ Москвѣ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ дѣвушекъ, которыя ищутъ только замужества — я ищу спутника въ жизни, съ которымъ во имя этой любви я съ радостью готова раздѣлить всѣ тягости самаго труднаго жизненнаго пути.

Нѣтъ этой любви — значить нѣтъ и счастья для меня.

Въ полномъ отчаяніи Коля рѣшилъ уѣхать къ матери въ К. Сердце его было неспокойно. Это волненіе и свои опасенія онъ изложилъ въ телеграммахъ своей матери и Александрій Петровнѣ, которыхъ умолялъ выѣхать немедленно въ М. къ Кетъ.

И вотъ Кетъ у окна дома на самой окраинѣ города. Одна...

Смириться.. думала она. Потушить священное пламя, превращающее бракъ въ таинство. Весенніе цвѣты подмѣнить золотистой осенней листвою? Опустошить свою душу? Но чѣмъ же тогда жить? — задавала она себѣ вопросы.

И стоитъ ли жить среди такой пустыни? — думала она, машинально окидывая взоромъ покрытый грозовыми тучами горизонтъ.

Вспышка молніи и раскатъ грозы спуталъ всѣ ея мысли.

Кетъ вздрогнула. О чемъ я думаю? — хотѣла она спросить себя, да такъ и не закончила своего вопроса.

— Да... какъ дальше жить? Стоитъ ли жить среди этой пустыни? — сказала она вслухъ, растегивая воротникъ своей кофточки, дабы облегчить дыханіе.

Новый раскатъ грозы, всколыхнувшій весь домъ, окончательно прервалъ нить ея мыслей.

Кетъ погрузилась въ полузабытье. Вокругъ все поплыло, все потекло. Гдѣ-то за чертой человѣческаго разума растворилось сознаніе. Кетъ чудился дикій хохотъ сатанинскихъ силъ справлявшихъ свой шабашъ. Бѣшеная пляска неуволнимыхъ тѣней. Съ грохотомъ падающій небесный сводъ. Какое-то чудище изрыгающее изъ своей пасти снопы ослѣпительнаго пламени.

Слышался едва, едва долетавшій до нея шепотъ ушедшей въ лучший міръ, матери изъ своего далека пытавшейся ободрить свою растерявшуюся дочь, убѣдить ее мужественно перенести выпавшія на ея долю испытанія.

Жизнь все перемелить, говорила она. Но слабый шепотъ ея не будилъ сознанія Кетъ затемненнаго общимъ хаосомъ.

Кетъ ощущала присутствіе матери, но не чувствуя ея поддержки терлась все больше и больше. Личное горе ея ей казалось неизбывнымъ, въ свѣтѣ котораго все меркло и казалось мрачнымъ полнымъ упаса и страха.

Со страхомъ озиралась она вокругъ, въ поискахъ поддержки и защиты. Но вокругъ былъ полный безпросвѣтный мракъ. Только по широкому простору черныхъ полей бѣгали яркія вспышки грозы, подчеркивая еще больше безпросвѣтную тьму близъ лежащаго лѣса ревниво оберегавшаго какую-то свою жуткую тайну.

Бѣжало время. Грозовая ночь становилась все душнѣе, все труднѣе было дышать. Полыхалъ горизонтъ, дрожала земля отъ ужаса передъ разыгравшейся стихіей, но дышать не становилось легче. Все также не хватало воздуха, все также не приходило облегченія, благодѣтельной влаги и слезъ.

Душная ночь томила, мучила разумъ, давила на волю, ослабляя послѣднюю сопротивляемость.

Сердце Кетъ усиленно билось, въ вискахъ стучало, въ ушахъ стоялъ звонъ. Красные круги плыли передъ глазами.

Лишь изрѣдка встававшая въ памяти картина холоднаго дня на мигъ охлаждала разгоряченный мозгъ, на мигъ вносила покой въ мятущуюся душу. Въ эти минуты жизнь казалась Кетъ простой и ясной.

Но вотъ пролилъ дождь. Вдохнула земля омытая небесными слезами. Гроза пронеслась. Голубое чистое небо засіяло тысячами мерцающихъ свѣтляковъ. Потянуло предразсвѣтной прохладой.

Все притаилось, все смолкло, природа уснула. Кетъ зябко пожала плечами. Съ удивленіемъ прислушалась къ наступившей тишинѣ. Скользнула разсѣяннымъ взглядомъ по небосклону...

«Любовь»... Мечта... Легкое облачко — дуновение вѣтерка и нѣтъ ничего. Вотъ и конецъ сказкѣ. Все разсѣялось, все исчезло, подумала она, проведя рукой по головѣ, пытаясь охладить разгоряченный мозгъ. Бракъ безъ любви. Любовь безъ улыбки.

Сухой отвѣтъ отца не пожелавшаго понять меня. Мои сомнѣнія? Любовь моя — загадка для всѣхъ, кто не любилъ самъ никогда. Гдѣ же мнѣ получить поддержку, отъ кого? Кругомъ пустыня.

Смириться? Нѣтъ, лучше уйти совсѣмъ и унести съ собой свою сказку, чѣмъ развѣять ее по вѣтру, прошептала она чуть слышно.

Уйти? Куда? Въ вѣчную тьму? громко дрожащимъ голосомъ произнесла она, сама испугавшись своей мысли. Но... назойливая мысль упорно стучалась въ ея душу, сразу овладѣвъ ея волей.

Кетъ пыталась отогнать отъ себя эту тѣнь другого невѣдомого міра. Но тѣнь все больше овладѣвала ея волей.

Кетъ чувствовала, что она у предѣла человѣческихъ силъ у черты безумія или смерти.

Въ эту тяжкую, рѣшительную минуту она вспомнила о заботахъ Коли. — Спаси меня дорогой! спасите меня дорогія мамы! — крикнула она въ воздухъ, но было поздно. Коля съ огромнымъ волненіемъ сидѣлъ въ К., а обѣ матери мчались по желѣзной дорогѣ, но до нея было еще далеко. Еще предстоялъ путь на лошадяхъ...

Небосклонъ загорѣлся новой зарей, начиналась новая жизнь, новое солнце встало надъ землею, суля людямъ новыя радости, новыя блага, новыя страданія.

Нѣтъ, не могу отказаться отъ святости моей души. Сказку размѣнять на земныя блага. Но не могу и жить безъ Коли, прошептала она чуть слышно.

Кетъ взяла въ руки перо и написала двѣ записки.

Черезъ минуту сухой выстрѣлъ прорѣзалъ утреннюю тишину, всполошивъ всѣхъ обитателей дома.

Одновременно прозвучалъ ударъ колокола. Первый призывъ къ молитвѣ. Благовѣсть разнесся по городу, какъ символъ прощенія тѣмъ, кто погибъ во имя любви.

На столѣ лежали два письма.

Официальное, въ которомъ было написано:

«Въ смерти моей прошу никого не винить
Кетъ».

.

Другое на имя Коли:

«Дорогой, горячо любимый Коля,

На Волгѣ въ холерномъ баракѣ въ чужихъ страданіяхъ я нашла спасительныя слезы, которыя облегчили и мои моральныя страданія.

Я горячо, безгранично люблю тебя, но у тебя такого чувства ко мнѣ нѣтъ, а на дружеской любви нашъ бракъ невозможенъ. Но я не могу и отказаться отъ тебя.

Моя любовь загадка для тѣхъ, кто никогда самъ такъ не любилъ, почему я не чувствую ничьей поддержки и переживаю все въ самой себѣ. Послѣдняя моя надежда была на отца, но онъ также не понималъ меня.

Больше у меня нѣтъ силъ, нѣтъ и спасительныхъ слезъ. Пойми — что же мнѣ дѣлать? У меня нѣтъ выхода, кромѣ того, въ которому привела меня эта ночь.

«Уходитъ ночь, а вмѣстѣ съ ней и жизнь».

Прости, дорогой, за горе и заботы, которыя причинить тебѣ мой выстрѣлъ. Я не могу жить безъ тебя.

Горячо цѣлую тебя. Въ эти тяжелыя минуты всѣ мои мысли о тебѣ. Прости и помолись обо мнѣ.

Горячо любящая Кетъ».

Немошное тѣло Кетъ лежало безъ движенія, готовясь въ послѣдній дальній путь.

Рамка стриженныхъ рыжевато-золотистыхъ волосъ, на фонѣ бѣлой подушки рѣзко подчеркивала смертельную блѣдность ея осунувшагося лица.

Въ немъ не было жизни, не было надежды. Смерть уже остигла его своимъ вѣяніемъ, уже смотрѣла своими страшными глазами изъ ея запавшихъ глазницъ...

Но душа ея все еще не сдавалась, все еще не хотѣла покинуть тѣла, не хотѣла уйти, не вдохнувъ въ послѣдній разъ полной грудью ароматы благоухающей весны.

Душа продолжала бороться за жизнь, за послѣднее земное желаніе, за послѣднюю радость. Душа жаждала утѣшенія, послѣдней улыбки земного счастья.

Судьба услышала ея мольбы. Къ вечеру пріѣхалъ Коля, заставшій у ея кровати, свою мать и Александру Петровну съ глазами полными слезъ.

Минуя врача, сестру милосердія и массу другихъ, неизвѣстно откуда и зачѣмъ собравшихся въ домѣ людей, Коля быстро прошелъ въ комнату больной. На порогѣ невольно на мигъ задержался, пораженный видомъ Кетъ. Ничего не осталось въ ней отъ прошлаго.

Жизнерадостная, веселая, цвѣтущая Кетъ исчезла. Передъ нимъ лежало лишь измученное, страждущее тѣло, жизнь въ которомъ уже едва теплилась. Не часы, а минуты отдѣляли его отъ другого міра.

Казалось Кетъ только ждала Колю, чтобы сказать ему послѣднее «прости» и уйти.

Но появленіе его не вернуло ей гаснущаго сознанія, не влило бодрости въ слабѣющія силы.

Долго пристально вглядывался Коля въ ея лицо, пытаясь найти на немъ хотя бы малѣйшій признакъ грядущаго улучшенія.

Увы, тѣни сгущались. Все замѣтнѣе обострялись черты лица. Все глубже западали глазницы. Сомнѣній не было — роковой часъ приближался.

Безумная тоска обуяла его сердце. Картины дѣтскихъ лѣтъ, совмѣстныя игры и забавы, полный радостныхъ переживаній день въ Москвѣ, быстро промелькнули передъ его мысленнымъ взоромъ и скрылись безслѣдно.

Тихо опустилсѣ онъ на колѣни и осторожно приподнял съ подушки ея голову. Взоръ его хотѣлъ запечатлѣть навѣки каждую черточку ея лица, каждый еще уловимый штрихъ. Но горькія слезы заволокли глаза и обликъ Кетъ представлялся ему въ какомъ-то туманѣ.

Кетъ тотчасъ почувствовала ласку его руки. Вздохнула, пріоткрыла ослабѣвшія вѣки. Въ глазахъ ея на мигъ, на одинъ лишь краткій мигъ, мелькнуло сознаніе. Отблескъ радостной улыбки скользнулъ по ея лицу. Губы зашевелились, силясь что-то сказать.

Но... слова не сходили съ ея языка. Съ большимъ трудомъ только, послѣ долгихъ усилій она чуть слышно прошептала, вѣрнѣе выдохнула «прости... бѣлая церковь... прости» и безъ стона и жалобы точно подрѣзанный цвѣтокъ, голова ея безпомощно упала на руки Коли.

Погасла молодая жизнь, падучей яркой звѣздой мелькнувшая на мигъ среди безчисленныхъ созвѣздій.

Все было кончено. Кончились земныя страданія. Растворились въ вѣчности муки любви. Кетъ ушла, ушла навсегда...

Вмѣстѣ съ нею ушло свѣтлое дѣтство, беззаботная юность, широкая какъ міръ еще не начинавшаяся жизнь.

Коля упалъ на колѣни и, прильнувъ къ головѣ Кетъ, разрыдался. Комната опустѣла, сдѣлалась чужой, незнакомой. Коля вскочилъ и съ недоумѣніемъ оглянулся — ему хотѣлось кричать отъ сердечной боли, звать на помощь. Но... кто услышитъ? Кто отвѣтитъ на крикъ его души? Кто можетъ вернуть невозвратное?

Кетъ ушла... На кровати лежало лишь ея брвенное тѣло, а душа отлѣтѣла туда, гдѣ сказка ея любви останется неизмѣнной навѣки.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Трагическая кончина Кетъ всколыхнула сонную жизнь маленькаго городка. На пустынныхъ до того улицахъ показались люди спѣшившіе къ дому директора завода, влекомые туда не то сочувствіемъ, не то празднымъ любопытствомъ, не то стремленіемъ въ той или иной мѣрѣ пріобщиться къ выдающемуся печальному событію.

Эта толпа постороннихъ создала непріятную суматоху и нарушила установившееся въ домѣ молчаливо-торжественное настроеніе. Подъ видомъ соболѣзнованія собравшіеся занимались болтовней и пересудами, мѣшая роднымъ уйти въ себя, въ свое горе, разобраться въ массѣ неожиданно вставшихъ передъ ними вопросовъ.

Толпа, какъ всегда холодная и равнодушная искала лишь сенсаций — шума, родные же жаждали покоя и забвенія...

Но жизнь не считалась съ людьми и ихъ переживаниями. Жизнь шла своимъ путемъ втягивая въ свой круговоротъ всѣхъ независимо отъ ихъ настроеній.

Подчиняясь ея авторитетному зову, въ домѣ о чемъ-то хлопотали, беспокоились о какихъ-то ничтожныхъ мелочахъ, точно въ послѣднихъ и заключался весь смыслъ происшедшаго.

Только одна Кетъ въ своей величавой неподвижности оставалась равнодушной ко всему.

Для нея все уже опредѣлилось, все было ясно. На лицѣ ея казалось, было написано даже, что слезы и плачъ родныхъ докучаютъ ей, мѣшаютъ ей вникнуть въ обстановку новой жизни. Въ чертахъ ея лица отражалась какая-то глубоко запавшая мысль, какое-то недоумѣніе, точно она никакъ не могла еще привыкнуть къ своему новому состоянію.

Коля внимательно наблюдалъ за едва уловимыми смѣнами выраженія ея лица, слѣдилъ какъ это, столь хорошо знакомое ему лицо, становилось все болѣе серьезнымъ, все болѣе сосредоточеннымъ и никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что скоро оно навсегда исчезнетъ изъ предѣлами видимости, уйдетъ навсегда въ царство тѣней.

— Неужели же, — думалъ онъ, — вмѣстѣ съ бренными остатками ея исчезнетъ все, чѣмъ жила ея душа, исчезнетъ всякая связь ея съ людьми, съ тѣмъ, что было такъ дорого до смерти? Неужели же Кетъ безслѣдно растворится въ пространствѣ?

Разумъ отвѣчалъ ему утвердительно на эти вопросы, но внутреннее подсознаніе его не мирилось съ этимъ. Что-то, вопреки всѣмъ законамъ жизни, говорило ему, что Кетъ лишь сброситъ земную оболочку и въ новомъ обликѣ останется навсегда среди своихъ друзей.

Эта увѣренность облегчала Колѣ пережить послѣднія тяжелыя минуты пребыванія Кетъ на землѣ. Въ ней нашелъ онъ то холодное спокойствіе, съ которымъ первое время онъ выполнялъ выпавшія на его долю обязанности. Но это спокойствіе сразу оставило его, когда кто-то шепнулъ своему сосѣду, что роковой выстрѣлъ Кетъ былъ результатомъ ея безграничной любви къ нему.

Этотъ шепотъ направилъ его мысли въ другую сторону и, вырвавъ его изъ созданнаго имъ самимъ міра мечты, вернулъ его къ дѣйствительности.

— Да... это вѣрно. Кетъ погибла во имя своей любви и моей холодности. Да... это я невольно подтолкнулъ ее къ этому шагу, подумалъ онъ и содрогнулся. Сознаніе непоправимой вины охватило его душу отчаяніемъ. Сердце его замерло. Жизнь показалась сѣрой, неуютной.

— Поправить ошибку? Поздно... нельзя, но можно искупить ее своей жизнью, мелькнула у него мысль

— Стой. Подумай хорошенько. Какъ могъ ты предотвратить этотъ конецъ? Лгать? Говорить о чувствахъ, котораго не было? Но развѣ это было бы во спасеніе? Счастье не строится на лжи и обманѣ.

— Нѣтъ. Не ты виноватъ, а судьба. Живи и молись о душѣ Кетъ, шепнулъ ему на ухо чей-то едва слышный голосъ, и онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе чьей-то невидимой, но несомнѣнно дружеской руки къ своей рукѣ.

— Слышишь? Ты слышишь? — настойчиво повторилъ свой вопросъ тотъ же едва слышный голосъ.

Коля вздрогнулъ... онъ узналъ голосъ Кетъ. Нервы его сдали — онъ быстро вышелъ въ садъ и скрылся въ одной изъ уединенныхъ аллей, гдѣ

во время своихъ прїѣздовъ, гулялъ съ Кетъ и просиживалъ съ нею цѣлые дни за книгами.

На другой день къ вечеру прїѣхала сестра Кетъ — Клаша, и вызванные Александрой Петровной б. Главный Врачъ эпидемическаго отряда докторъ Быстровъ, докторъ Чебышевъ и нѣсколько работавшихъ въ отрядъ съ нею студентовъ медиковъ и сестръ милосердія, еще не развѣхавшихся изъ Москвы.

Докторъ Чебышевъ, постоявъ полчаса неподвижно около тѣла Кетъ со взоромъ, устремленнымъ на ея лицо, быстро вышелъ въ садъ и, забившись въ отдаленный уголокъ его, залился слезами, оплакивая безумно любимую имъ Кетъ. Ту, которая прямо сказала ему, что ея сердце занято и не подала ему ни малѣйшей надежды.

Вышедшая въ садъ Александра Петровна, замѣтивъ рыдавшаго Чебышева, подошла къ нему, взяла его подъ руку и сказала ему:

— Будьте бодры, будьте мужественны. Помните, что вы не имѣете права на слезы, — не увеличивайте мученій Коли.

— Да, дорогая Александра Петровна, вы правы, сейчасъ я пойду къ нему и выскажу ему мое самое горячее сочувствіе.

II

На третій день состоялись похороны Кетъ на мѣстномъ кладбищѣ, на которые пришли чуть ли не всѣ обитатели городка.

На кладбищѣ Докторъ Чебышевъ сказалъ у открытой могилы слово:

— Друзья! Мы провожаемъ сейчасъ въ далекій, невѣдомый путь, дѣвушку, едва вступившую на жизненный путь, оказавшійся для нея слишкомъ тяжелымъ — не посылаю для ея чистаго, юнаго сердца.

Господь сохранилъ ея жизнь во время жертвенной, опасной ея работы на Волгѣ въ холерныхъ баракахъ, гдѣ она заслужила за свою блестящую, неутомимую работу любовь и огромное уваженіе всѣхъ своихъ сослуживцевъ и больныхъ. Все свое сердце, свою душу и свои помыслы она отдавала больнымъ.

И, вотъ, здѣсь, въ этомъ маленькомъ городкѣ смерть нашла ее, когда она, казалось, была въ полной безопасности. Погибла молодая жизнь, погибла дѣвушка, по своимъ душевнымъ качествамъ имѣвшая право на лучшую долю.

Она пала жертвой эпохи — эпохи исканій и стремленій къ недостижимому на землѣ.

Вознесемъ же наши горячія молитвы ТВОРИЦУ, нашему БОГУ православному, Богу любви о прощеніи усопшей проступка ея во имя любви.

Душа ея слышитъ сейчасъ наши молитвы и воздыханія, слышитъ, какъ горячо всѣ молятся ТВОРИЦУ объ упокоеніи ея идеже вси праведники упокоются.

Теперь, дорогіе друзья, воздадимъ усопшей послѣднее земное цѣлованіе.

Съ этими словами Чебышевъ опустился на колѣни и поцѣловалъ лежавшій на гробу образокъ.

Видимо онъ съ трудомъ сдерживалъ себя и по лицу его скатилась горячая слеза, которую онъ быстро смахнулъ рукавомъ.

Коля не выдержалъ, съ рыданіемъ не опустился на колѣни, а вѣрнѣе упалъ на землю и обнявъ гробъ и вдругъ громко сказалъ:

— Ты слышишь, Кетъ, какъ всѣ молятся за тебя? Какъ всѣ тебя любятъ?

Александра Петровна едва оторвала его отъ гроба, но сама не выдержала и упала въ обморокъ. Вслѣдъ за ней упала въ обморокъ и мать Коли.

Успокоилъ всѣхъ священникъ, сказавшій:

— Дорогіе братья и сестры во ХРИСТѢ. «Не плачьте, не рыдайте. Вашей усопшей теперь хорошо. Молитесь о ней, а ваши рыданія только нарушаютъ ея покой. Миръ и покой да будетъ съ вами».

Слова эти быстро успокоили взволнованную толпу провожатыхъ.

Мѣсто для могилы Кетъ было выбрано около развѣсистой говорливой березы.

III

Послѣ похоронъ Кетъ жизнь въ маленькомъ директорскомъ домикѣ окончательно замерла. Отецъ ея и безъ того нелюдимый, теперь порвалъ почти всякую связь съ внѣшнимъ міромъ.

Болѣзненно и остро переживалъ онъ гибель Кетъ, присутствіе которой раньше мало цѣнилъ и почти не замѣчалъ. Теперь же каждая мелочь, каждый пустякъ напоминалъ ему о дочери, о трагическомъ событіи въ день Петра и Павла.

Ночью и днемъ слышался ему голосъ Кетъ. Изъ эфира, точно изъ рупора неслося ея сочное контральто, напоминая прошлое еще столь близкое.

Теперь онъ понималъ все, что раньше казалось ему неяснымъ, непонятнымъ.

Пережитая ею сердечная драма, которую онъ считалъ дѣтскимъ капризомъ, теперь въ его сознаніи выросла въ огромное событіе и онъ упрекалъ себя, что въ свое время не обратилъ на нее должнаго вниманія.

Попытайся онъ своевременно проникнуть въ душу Кетъ, постарайся понять ее и все, думалъ онъ, можно было бы уладить, а ласковымъ словомъ возстановить миръ и покой въ ея взбудораженной душѣ.

Сознаніе безконечно вины все больше укоренялось въ немъ, все тяжелѣе ложилося на его взбаламученную совѣсть. Въ особенности же тяжело оно отражалось на немъ зимой, когда снѣгъ завалилъ дороги, тропинки и запорошилъ самую память о заброшенномъ маленькомъ домикѣ, гдѣ, прислушиваясь къ шорохамъ пустынныхъ комнатъ, короталъ свой вѣкъ одинокій никому ненужный старикъ.

Такъ въ душевныхъ мукахъ текли безконечной вереницей длинныя скучныя, однообразныя зимніе дни. Чѣмъ больше зима вступала въ свои права, тѣмъ глубже уходилъ въ себя и въ свои тяжелыя мысли отецъ Кетъ безвыходно, точно въ берлогѣ засѣвшій въ кабинетѣ, забросившій заводъ и всѣ свои дѣла.

Но зима не вѣчна. Кончились февральскіе морозы и мятели. Пахнуло весной. Горячіе солнечныя лучи согнали снѣжную пелену — согрѣли озябшую землю.

Свѣжей, яркой зеленью покрылись лѣса. Зародилась новая жизнь. Все ожило, все проснулось. Въ благоухающемъ ароматѣ цвѣтовъ растворились зимніе страхи. Исчезли призраки. Смолкли таинственные голоса.

Стало легче дышать.

Сильно постарѣвшій отецъ Кетъ началъ ежедневно посѣщать могилу дочери, гдѣ, какъ ему казалось, онъ обрѣлъ наконецъ утраченный покой.

Подъ тихій лепетъ веселыхъ березъ, на душу его снизошелъ, столь желанный миръ, улеглись упреки совѣсти.

Каждый вечеръ, съ закатомъ солнца можно было видѣть его сгорбленную фигуру, возвращавшуюся отъ дочери къ себѣ домой.

Каждый вечеръ вернувшись съ кладбища, онъ ставилъ въ стаканъ съ водой вѣтку березы и сорванный на могильномъ холмѣ пучекъ травы.

«Это Кетъ намъ принесла», говорилъ онъ обращаясь, точно къ живому собесѣднику, къ стакану.

Но ночь наступил душный іюнь. Сразу рухнулъ его покой. Вновь обуяла душу старика тяжелыя видѣнія минувшаго года. Вновь упреки совѣсти отравили его существованіе.

Чѣмъ ближе подходилъ день Петра и Пвла тѣмъ беспокойнѣе становилось у него на душѣ. Тѣмъ неохотнѣе уходилъ онъ отъ могилы дочери, тѣмъ тяжелѣе дѣлалась его поступь.

Наканунѣ этого дня отецъ Кетъ пробылъ на кладбищѣ до поздняго времени. Было уже совсѣмъ темно, когда онъ вышелъ оттуда и медленно побрелъ домой, съ трудомъ переставляя ноги.

На другой день только что раздался благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, какъ прислуга сквозь утреннюю дрему слышала какой-то необычный шумъ въ его спальнѣ.

Вскочивъ съ постели и наскоро одѣвшись, она быстро направилась туда. Въ гостиной она встрѣтила отца Кетъ на ходу одѣвавшагося. Видъ у него былъ растерянный, но радостный, веселый, возбужденный. Глаза его блуждали передъ собою, никого и ничего не замѣчая. Одѣваясь онъ все время повторялъ: «сейчасъ, Кетъ, иду. Сейчасъ». Съ этими словами онъ вышелъ изъ дома, быстро, точно опасаясь опоздать, добѣжалъ до кладбища, остановился у могилы Кетъ и удивленно оглянулся вокругъ.

Улыбнулся, провелъ рукой по стволу березы, какъ бы лаская ее... Медленно опустился на колѣни, перекрестился и поникъ головой на могильный холмъ.

— Сейчасъ, Кетъ, иду, — повторилъ онъ тихо, точно сквозь сонъ.

Дернулся и тяжело всѣмъ корпусомъ упалъ мертвымъ на ея могилу. Смерть, разлучившая отца съ дочерью, таинственнымъ велѣніемъ своимъ вновь соединила ихъ навсегда.

ЧАСТА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Въ поискахъ душевнаго покоя Коля колесилъ по Россіи и наконецъ перевелся въ одинъ изъ конныхъ полковъ на Персидской границѣ.

Въ стычкахъ съ дикими кочевниками многократно искалъ онъ забвенія и успокоенія своей совѣсти.

Но ни того, ни другого не приходило. Трагическое событіе не покидало поля его зрѣнія. Эхо выстрѣла Кетъ не смолкало. Эхо это будило его среди ночи, провожало во время оживленной перестрѣлки съ дикими курдами.

Кетъ всегда была передъ его глазами. Обликъ ея путешествовалъ съ нимъ по Россіи, маячилъ среди Кавказскихъ горъ, внезапно вставалъ передъ нимъ во время дружеской затрапезной бесѣды.

Коля такъ сроднился съ нимъ, что помимо воли, началъ считать это видѣніе чѣмъ-то реальнымъ. Внутреннимъ подсознаніемъ увѣровалъ, что Кетъ не ушла, что она всегда неизмѣнно вблизи отъ него и что встрѣча съ нею неизбежна.

Этой встрѣчи онъ жаждалъ и къ ней готовился. Въ минуты одиночества онъ мысленно рисовалъ себѣ картину будущей встрѣчи. Но воображеніе его оказывалось безсильнымъ. Ни разу не удалось ему представить себѣ эту встрѣчу до конца. Наступалъ моментъ когда намѣченные линіи и формы расплывались въ нѣчто безформенное и неуловимое.

Тогда начинались мучительныя попытки возстановить все сначала. И вотъ однажды, пріѣхавъ въ К. и направляясь въ городъ за покупками, на одномъ изъ перекрестковъ онъ неожиданно столкнулся съ Кетъ.

Въ глазахъ его отразился ужасъ. Искра безумія сверкнула изъ нихъ и исказила все его лицо судорогой. Затѣмъ оно озарилось радостной улыбкой. Кетъ жива! Ничего не случилось?! Все это было лишь комшмарнымъ, мучительнымъ сномъ. Сномъ издегавшимъ нервы, убившимъ желаніе жить, утопившимъ его молодость въ черной безпровѣтной завѣсѣ.

Но теперь!?!.. теперь!?!.. все это ушло. Новая жизнь начинается для него. Жизнь рука объ руку съ Кетъ.

Эти мысли молніей мелькнули въ его мозгу, наполнивъ душу его сладостнымъ покоемъ.

Внимательно вглядывался онъ въ лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки.

Да, попирая всѣ законы жизни, передъ нимъ стояла Кетъ.

Въ этотъ моментъ онъ забылъ обо всемъ — забылъ и о трагическомъ событіи въ день Петра и Павла.

Кетъ! крикнулъ онъ, какъ безумный, на всю улицу и бросился къ ней. Кетъ! повторилъ онъ уже значительно тише...

Но чудное видѣніе разсѣялось также быстро и неожиданно, какъ неожиданно появилось.

Передъ нимъ стояла незнакомая дѣвушка, чуть похожая на Кетъ, также обрамленная золотисто-рыжеватой рамкой волосъ. Костюмъ ея былъ точно скопированъ съ костюма Кетъ. Было нѣкоторое сходство въ чертахъ лица, въ фигурѣ, въ походкѣ, но... и только.

Дѣвушка на мигъ задержалась, съ недоумѣніемъ подняла на него глаза и быстро повернула въ другую улицу.

Коля понималъ свою ошибку. Понималъ, что съ нимъ творится что-то неладное. Пробормотавъ въ догонку дѣвушкѣ нѣсколько словъ въ свое извиненіе, онъ направился домой.

Врачи немедленно отправили его въ отпускъ.

Но... гдѣ бы ни былъ онъ, какъ бы не складывалась его жизнь, 24-го ноября въ день именинъ Кетъ и въ день Петра и Павла онъ неизмѣнно всегда прѣзжалъ на ея могилу въ М. и цѣлый день проводилъ въ мысленной бесѣдѣ съ ней.

Э П И Л О Г Ъ

Прошло три года. Вновь подошелъ день Петра и Павла. На кладбищѣ у могилы Кетъ, облокотившись на ограду, стоялъ въ офицерскомъ свѣтломъ пальто, Коля.

Мужественное, обвѣтренное молодое лицо, ясный увѣренный взглядъ и преждевременно тронутые сѣдиной, точно посыпанные пепломъ, виски.

Стоя у могилы Кетъ, онъ внимательно осматривалъ кладбище, — умытое утренней росой оно горѣло радостными слезами встрѣчи. Пернатое населеніе съ высоты деревьевъ приветствовало его хоромъ своихъ еще не окрѣпшихъ голосовъ. Трудолюбивыя пчелы въ радостномъ экстазѣ металась отъ одного цвѣтка къ другому.

Веселая травка ласково улыбалась ему свѣжей зеленой улыбкой.

Да, думалъ онъ, — ночь прошла! Разсѣялась тьма, искрометнымъ полымемъ загорѣлся свѣтлый, радостный день, въ чистомъ сіяніи котораго ЖИЗНЬ развертывается передо мною во всей своей необъятной красотѣ и... все это сдѣлала Кетъ.

По лицу Коли скользнула сіяющая улыбка, а въ глазахъ отразилась радость бытія.

Все прошлое казалось ему въ эту минуту тяжелымъ сномъ, растворившимся въ лучахъ появившагося наконецъ солнца.

Сегодня впервые за долгіе годы испытывалъ онъ въ своемъ сердцѣ трепетъ жизни, впервые былъ спокоенъ и счастливъ.

На жизненномъ пути своемъ онъ встрѣтилъ наконецъ дѣвушку, которую полюбилъ съ первой встрѣчи и которой отдалъ всю свою душу, все сердце, всѣ свои мысли и чувства.

Полюбилъ ее беззавѣтно — дѣвушка отвѣтила ему такимъ же всеобъемлющимъ чувствомъ.

Полюбилъ?!.. А Кетъ?!.. А трагическій день Петра и Павла?!.. Нѣтъ, путь къ счастью для меня закрыть навсегда, рѣшилъ онъ.

Но вотъ вчера во снѣ къ нему явилась Кетъ. Не та, которую онъ видѣлъ на смертномъ одрѣ, а лучезарная, веселая и радостная, какой была въ Москвѣ.

Склонившись къ его изголовью, Кетъ ласково улыбнулась ему, провела рукой по его головѣ и благословила.

«Довольно терзаній!.. довольно слезъ!.. Будь счастливъ»... — тихо шепнула она ему на ухо и сіяющая небеснымъ отблескомъ медленно растворилась въ эфирѣ.

Сегодня Коля пріѣхалъ сюда какъ обычно, провести здѣсь день и поблагодарить Кетъ за то, что и издалека потусторонней жизни она не забываетъ его, силой своей безграничной любви создавая его счастье.

С. Сомовъ.

К о н е ц ъ.